

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт педагогики, психологии и социологии
Кафедра психологии развития и консультирования

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 Е.Ю. Федоренко

подпись инициалы, фамилия

« 17 » июня 2016 г.

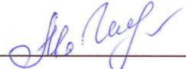
БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

37.03.01 Психология

«Эффективность принятия решений в условиях неопределенности лицами с
разным когнитивным стилем»

Руководитель профессор, доктор биол. наук И. И. Шошина

Выпускник

М. И Воропаева

Красноярск 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Психология принятия решений.....	6
1.1 Истоки психологической теории принятия решения.....	6
1.2 Проблема принятия решений.....	7
1.3 Общепсихологический деятельностный подход и принятие решений.....	11
1.4 Уровни и этапы в ситуации принятия решения.....	14
2 Проблема неопределенности.....	18
2.1 Принцип неопределенности.....	18
2.2 Понятие и специфика поведения в условиях неопределенности.....	22
3 Когнитивные стили.....	24
3.1 Понятие и специфика феномена когнитивный стиль.....	24
3.2 Виды когнитивного стиля в психологии.....	27
3.3 Эффективность принятия решений в условиях неопределенности лицами с разным когнитивным стилем.....	32
4 Эффективность принятия решений в условиях неопределенности	36
4.1 Объекты исследования.....	35
4.2 Методы исследования.....	35
4.3 Эффективность принятия решений в условиях неопределенности лицами с полезависимым/полenezависимым когнитивным стилем	38
4.4Эффективность принятия решений в условиях неопределенности лицами с импульсивным/рефлексивным когнитивным стилем.....	42
Выводы.....	49
Заключение.....	50
Список использованных источников.....	52
Приложение А.....	57
Приложение Б.....	60

ВВЕДЕНИЕ

Проблеме неопределенности уделяют большое внимание ученые из разных научных областей. Феноменом неопределенности занимаются философы, математики, физики, психологи, что говорит о многоаспектности разрабатываемых теорий и вариативности полученных результатов. Поэтому проблема неопределенности в психологии и ряде смежных с ней наук зачастую раскрывается не сама по себе, а с позиции реакции (в широком смысле этого слова) субъектов на эту жизненную ситуацию. Для активизации поведения необходимо, чтобы ситуативные переменные вступили в определенную связь с субъектными параметрами личности. В этом случае ситуация приобретает характер значимости для личности, что порождает особый поведенческий отклик. Иными словами, неопределенная ситуация становится фактором изменений в психическом состоянии человека.

Ситуация неопределенности, характеризующаяся новизной, сложностью, неразрешимостью, непредсказуемостью и хаотичностью, вызывает целый комплекс реакций на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровне. Качество таких реакций задает толерантность или интолерантность к этим ситуациям, может характеризовать отнесенность человека к той или иной социальной группе.

Личностные диспозиции, формируемые на основе предыдущего опыта и определяющие стратегии преодоления неопределенности (склонность принимать решения определенным образом), также связаны с поведением субъекта в ситуации неопределенности. В настоящее время в научном обиходе сформировался, закрепился и получил широкое распространение термин «психологическая теория решений», призванный обозначить некоторую систему знаний о психологических особенностях процессов принятия решения. Необходимым этапом развития психологии принятия решений стала интеграция знаний, складывающихся в разных научных областях. Вместе с тем, к настоящему времени нет определенности относительно факторов и условий

принятия решений в условиях неопределенности. В качестве возможного варианта решения проблемы неопределенности выступает использование когнитивно-стилевого подхода. Когнитивные стили рассматриваются, как устойчиво предпочитаемые человеком способы восприятия, мышления и действия, имеют долгую историю исследования в психологии (работы Е.Т. Соколовой, Г. Клауса, М. А. Холодной, М. С. Егоровой, А. В. Либина, Т. В. Корниловой и др.), однако лишь недавно данная проблематика начала применяться к вопросам поведения человека в условиях неопределенности.

Недостаточная определенность факторов и условий решений в условиях неопределенности, неоднозначность концепций и теоретических представлений обуславливает актуальность обращения к теме: «Эффективность принятия решений в условиях неопределенности лицами с разным когнитивным стилем».

Цель работы – анализ эффективности принятия решения в условиях неопределенности лицами с разным когнитивным стилем.

Объект – студенты СФУ в возрасте от 20 – 22 лет.

Предмет – эффективность принятия решений в условиях неопределенности лицами с разным когнитивным стилем.

Гипотеза – лица с рефлексивным и полнезависимым когнитивным стилем демонстрируют достоверно более высокий уровень эффективности принятия решений в условиях неопределенности, чем лица с импульсивным когнитивным стилем и полнезависимым когнитивным стилем.

Теоретические задачи:

- Рассмотреть теоретические аспекты принятия решений в условиях неопределённости.

- Охарактеризовать представления о когнитивном стиле.

Эмпирические задачи:

- Проанализировать эффективность принятия решений в условиях неопределенности у лиц с полнезависимым/полнезависимым когнитивным стилем.

- Проанализировать эффективность принятия решений в условиях неопределенности у лиц с импульсивным/рефлексивным когнитивным стилем.

Методы исследования:

- Методика «Включенные фигуры» К.Б. Готтшальдта.

- «Сравнение похожих рисунков» Каган, 1966.

- Голлин-тест (Gollin, 1960).

- Статистическая обработка данных с помощью критерия Мана-Уитни пакета статистических программ SPSS – 13.

Теоретико-методологическая основа: когнитивно-стилевой подход в психологии (Г. Уиткин, Дж. Каган, М. А. Холодная, А. И. Палей, И. П. Шкуратова и др.), представления об индивидуальном стиле человека А. В. Либина, Д. А. Леонтьева и др. Концепция динамической многоуровневой множественной регуляции выборов Т. В. Корниловой.

1. Психология принятия решений

1.1 Истоки психологической теории принятия решений

Принятие решений - это междисциплинарная проблема, которая как научная существует около 300 лет. Психологи обратили свое внимание на нее лишь в 50-е годы двадцатого века. Некоторые теории, появившиеся в рамках естественных наук, позднее стали применяться к проблеме принятия решений, поскольку они оказались важными для раскрытия внутренних мыслительных процессов, происходящих при принятии решения [12].

Еще в XVII в. появилась идея математического ожидания. Со временем ее стали использовать применительно к проблеме принятия решения. Было сформулировано положение о том, что при выборе необходимо руководствоваться следующими правилами: по отношению к каждому из альтернативных вариантов следует определить возможные его исходы, а также их вероятности. После этого для каждого из вариантов нужно найти сумму произведений вероятности и соответствующих исходов, а затем выбрать тот вариант, который имеет наибольшую сумму произведений (максимальную ожидаемую ценность) [40]. В свете дальнейшего развития этой теории в 1713 г. Николас Бернули выдвинул идею о субъективной ценности исходов. Так зародилась теория ожидаемой полезности.

Вероятности исходов, обусловленные особенностями человека, Сэвидж в 1954 году предложил называть субъективными, в итоге теория ожидаемой полезности трансформировалась в теорию субъективно ожидаемой полезности. Поскольку, вопреки возможности объективно измерить вероятности исходов, человек на самом деле в ситуации выбора руководствуется субъективными представлениями о этой ситуации, то есть, для того чтобы понять и, возможно, поправить поведение человека, необходимо знать, как и почему он отходит от нормативной стратегии решения, как распознает вероятности и ценности.

Уордом Эдвардсом в 1954 г. положил начало психологическому исследованию принятия решения. Он стал основоположником исследований

особенностей реального человеческого поведения в ситуации принятия решения, суть которых до настоящего времени сводится к выяснению характера и сути отклонений реальных решений от идеальных, рациональных моделей [40].

1.2 Проблема принятия решений

Принятие решений является интеллектуальной деятельностью, которая часто идентифицируют с процессом решения задач. Конечно, принимая решение, человек мыслит, решает некую задачу. В реальной человеческой деятельности невозможно провести линию разграничения между принятием решения и всем процессом решения, лежащим в его основе. Одно без другого не существует. Но цели и предмет исследования, уровень научного обобщения и одновременно сфера общежитических явлений определяют в первом случае иной круг проблем, иные подходы и, в результате, специальную область исследований.

В психологии решения задач функциональные особенности когнитивного процесса изучаются лишь вместе с его структурой. В этом месте личностный аспект мышления присутствует постольку, поскольку обнаруживается зависимость общей структуры мышления от вмешивающихся в нее тех или иных личностных переменных: установок, мотивов, эмоций. Но сама личность решающего задачу не интересует исследователя, он вправе от нее абстрагироваться. Так, в полной мере оправданное направление психологии решения задач представляет собой эвристическое программирование на ЭВМ.

Но совершенно необоснованно отождествлять это направление с теорией принятия решений [55], так как, эвристическая машина не моделирует реальную деятельность субъекта, а лишь определяет уровень ее проявлений, связанный с логической структурой решений.

В ситуации принятия решения, как и в любом когнитивном акте, подлежит изучению его структура, которая не может рассматриваться без общего процесса решения. Вместе с тем, содержательные данные о структуре

этого процесса вполне могут быть получены при моделировании решения задач на ЭВМ, поскольку когнитивные составляющие этого акта присутствуют. К ним следует отнести те операции, которые объединены с выбором стратегии решения — нахождением направления поиска. Но дело в том, что такого рассмотрения проблемы недостаточно, при этом исчезает сама ее суть.

В исследовании принятия решения человеком суть проблемы состоит не только в том, как он к нему пришел, но и почему он действовал в данной ситуации именно так, а не иначе. Другими словами, предмет исследования содержит проблему свободы выбора, которая не может быть абстрагирована от личности.

Возникает еще вопрос: почему в одной и той же ситуации люди принимают неодинаковые решения? Например, при обсуждении коллективных решений цель одинакова для всех участников так же, как и объективная информация, фигурирующая в обсуждении. Но решения часто предлагаются различные, и участники не всегда приходят к соглашению. Детерминация выбираемого решения объективной ситуацией приходит в столкновение со свободой личного выбора.

Это противоречивое столкновение составляет очень сложную методологическую проблему. В философии она трактуется как проблема свободы воли, которая не может быть решена вне рассмотрения соотношения воли и разума, где воля олицетворяет свободу личного выбора, а разум — подчинение объективной необходимости, соответствие производимого выбора объективным обстоятельствам.

Истинная функция разума в свободном выборе, не просто установленная и учитывающая связь событий, а ввязывающаяся тем самым в их течение, не была вскрыта в домарксистской философии.

Лишь диалектико-материалистический анализ практической и теоретической деятельности людей как носителей социальных отношений, обнаружение взаимодействия личности с природной и социальной средой дали возможность Марксу и Энгельсу выявить действительную сущность свободы

воли в единстве познания и деятельности. В марксистской философии акт свободного выбора означает власть человека не только над самим собой, но и над внешней природой, над объективными обстоятельствами — власть, которая возникает только в результате познания природных и социальных законов.

Познавать и действовать — в этом заключено ядро марксистского понимания свободы. Отсюда определение Ф. Энгельсом свободы воли как способности принимать решения: Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, — два класса законов, которые мы можем отделять один от другого, самое большое в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела.

Проблема связи познания и действия в принятии решений, основанных на свободном выборе, в философском аспекте отчасти решена, но в психологическом аспекте еще не получила своей разработки. В традиционной системе психологических понятий термин «принятие решения» связывался лишь с характеристикой волевого акта, обозначая выбор цели в условиях конфликтной мотивации. Сам процесс принятия решений в его психологической структуре не рассматривался, не исследовалась и ее когнитивная составляющая. Причина этого состояла в функционалистском делении психики человека на разум, чувства и волю, в недостаточном внимании к философскому постулату единства воли и разума. Свободный выбор в деятельности человека трактовался как результат «борьбы мотивов», и только.

С течением времени такое психологическое объяснение направленности деятельности привело к смещению психологической причинности на аффективную сферу человека. В психологических теориях личности, начиная с концепции К. Левина, проблема соотношения воли и разума преобразовалась в

проблему соотношения аффекта и интеллекта. Классическая триада «воля, чувства и разум» в делении психики на ее основные сферы сменилась диадой «аффект — интеллект», которую сформулировал К. Левин и которая сохранилась до нашего времени в ряде психологических концепций.

Противопоставление движущих сил поведения функции разума привело к тому, что возникла своего рода борьба с интеллектуализмом, завершившаяся изъятием у интеллекта тех его функций, которые имеют отношение к свободе выбора. Альтернатива этой позиции теория единства аффекта и интеллекта, которую развивал Л.С. Выготский. По его мнению, «величайшим заблуждением Левина является противопоставление свободы, которой обладает человек в отношении действия, человеческому мышлению» [9].

Развитие психологической теории деятельности способствовало преодолению функционалистского подхода к изучению психики — разграничения функций воли, интеллекта и аффекта в деятельности личности.

Так, относительно воли, с которой изначально связывалась свобода выбора в принятии решений, А.Н. Леонтьев писал: «...авторы, которые считают волю важнейшей чертой личности, с эмпирической точки зрения правы¹. Воля, однако, не является ни началом, ни даже «стержнем» личности, это лишь одно из ее выражений. Действительную основу личности составляет то особое строение целокупных деятельностей субъекта, которое возникает на определенном этапе развития его человеческих связей с миром» [26].

Рассматривая проблему принятия решений, мы, безусловно, имеем дело с одной из таких «целокупных деятельностей», составляющей комплексный объект многих областей психологической науки.

Одновременно с этим необходимо признать, что такая кардинальная проблема теории принятия решений; как объяснение свободы выбора, остается до сих пор нерешенной. Причина этого, возможно, в ощутимой мере заключена в недостаточной разработке требуемого подхода со стороны когнитивной психологии. Теории, и используемые в них методы не дают в полной мере обнаружить психологическую специфику данной деятельности, выявить

истинную функцию мышления в принятии решений и реальную роль когнитивной самоорганизации в структуре личности.

1.3 Общепсихологический деятельностный подход и психология принятия решений

Все исследования принятия решений до последнего времени составлялись за границами интерпретационных схем, объединяющихся с деятельностным подходом [1]. Но с их развитием, особенно, при изучении личностного и интеллектуального опосредствования принятия решений появилась потребность поставить задачу конкретизации принципа активности личности как субъекта деятельности и субъекта познания. Параллельно с этим следует принять, что развитие психологических представлений об активности и деятельности (как молярной единицы активности человека - в понимании А. Н. Леонтьева) приводит к нелегким схемам соотнесения понятий, которые представляют собой деятельностные структуры и фиксируют аспекты активности, лишь в своем генезе имеющие деятельностные основания. Это, например, понятия образа мира [39], целеобразования, надситуативной активности личности [36] и др.

Фактором обязательного обращения к объяснительным возможностям деятельностного подхода является анализ принятия решений в рамках трудовой деятельности человека [15]. Проблема соотношения понятий внешней и внутренней деятельности, которая стала для методологических работ уже традиционной, получила новое звучание. Теперь она уже не проблема соотношения структур внешней и внутренней деятельности как их единства [12], а проблема мультиплицирования системы (деятельности) в функцию.

В монографии известного польского ученого Ю. Козелецкого возникло представление о связи принятия решений с понятием структуры деятельности [29]. В подавляющем большинстве видов профессиональной, учебной или игровой деятельности процесс принятия решений всегда осуществляется в условиях дефицита информации и времени, борьбы мотивов, отображающейся

в оценке ситуации как неопределенной. Понятия выбора и альтернативы - ключевые в теории Козелецкого. Он говорит, что выбор опосредствован информационной оценкой или волевым актом, в конечном итоге которых субъект способен сформировать последовательность целесообразных действий, ведущих к достижению цели. По содержанию это процессы "соотнесения различных элементов структуры деятельности, осуществляющиеся на отдельных ее этапах и уровнях" [17]. С этого времени каждая интерпретация процесса принятия решений имеет один общий изначальный этап: принятие решений в любом случае включено в процесс деятельности, когда завершается подготовка и появляется исполнение какого-либо акта, то есть действия. Из этого следует, что проблематика деятельностного подхода вполне обязательна для уточнения предмета психологии принятия решений. Прямое вычленение деятельностных структур в актах выбора уже было реализовано в отдельном их виде [27].

Опять-таки при обобщении основных знаний о психологической регуляции принятия решений методология деятельностного подхода вовсе не выглядит очевидной по отношению к такой реальности, как активность субъекта при преодолении им условий неопределенности выбора. В процессах принятия решений реализуется регулятивная функция психического - и с этим согласны большинство авторов. В то же время система психологических конструктов в рамках деятельностного подхода вполне обходилась без понятия принятие решений, причем регуляция деятельности связывалась с порождением и функционированием других психологических реалий. Так, важнейшим стал конструкт мотива.

В Москве в 1980г. на международном симпозиуме в докладе про проблемы принятия решений, анализируя степени адекватности и ограниченности математизации процессов, которые связаны со стратегиями выбора человека, Б. Ф. Ломов, отстаивавший принципы системного подхода, назвал изучение мотивационной регуляции принятия решений реализацией деятельностного подхода к этой психологической реальности [28]. Можно было

бы возразить, что мотивационная парадигма в исследованиях принятия решений находилась и вне связи с деятельностной парадигмой [19]. Но более важной здесь представляется авторская позиция, согласно которой для понимания механизмов принятия решений необходимо рассматривать эти процессы в целостной структуре деятельности и целостной регуляции других процессов, происходящих одновременно, а также с запаздыванием или опережением актуал-генеза принятия решений.

В подходе А. В. Карпова обозначен некий другой вариант выделения предмета психологии принятия решений в связи с рассмотрением его сквозь призму деятельностного подхода. «Деятельность как объективно существующая форма активности предполагает столь же объективный характер процессов ее организации - интегральных психических процессов» [16]. Деятельностная концепция А. Н. Леонтьева - как теория «верхнего» уровня - включала категории предвосхищения, целеобразования и ряд других, относимых к интегративным, но не выделяла их в отдельный класс. Вместе с тем в этом случае интересен вопрос, что же дает деятельностный подход развитию представлений о принятии решений.

Истоки формирования представлений об интегративных процессах можно найти у Б.Ф. Ломова, который считал, что «психологическими составляющими» любой деятельности являются процессы антиципации, планирования, восприятия и переработки текущей информации, принятия решения и контроля результатов. В подходе Карпова привносится возможность двойного представления одних и тех же процессов, то есть происходит удвоение аспектов их рассмотрения. Интегральные процессы «одновременно являются и процессами, и действиями, а их адекватное и полное описание предполагает использование принципа дополнительности их понимания и как процессов и как действий» [16].

1.4. Уровни и этапы в ситуации принятия решения

Принятие решения является центральным процессом на всех уровнях переработки информации человеком, группами людей, системами «человек—машина». Разумеется, что эта непростая комплексная проблема охватывает разные аспекты: физиологический, психологический, кибернетический и другие. Психологические аспекты проблемы связаны главным образом с анализом роли и места процессов принятия решения в системе целенаправленной сознательной деятельности человека.

Одной из важнейших особенностей процессов принятия решения является то, что в этой процедуре наиболее полно осуществляются как отражательные, так и регуляторные функции психики, следовательно, одним из перспективных направлений психологического исследования является изучение именно этих процессов в их связи с тремя основными формами психического отражения и соответственно с тремя уровнями психической регуляции деятельности - сенсорно-перцептивными процессами, представлениями и речемыслительными процессами.

Анохин П.К. заметил, что в процессе принятия решения выделяются два основных этапа: информационной подготовки решения и собственно процедуры принятия решения [4]. Существуют разнообразные классификации ситуаций принятия решения. Так как в самом общем виде принятие решения представляет собой формирование последовательности действий для достижения определенной цели на основе преобразования некоторой информации об исходной ситуации, большинство этих классификаций посвящено следующим вопросам:

- глобальным характеристикам ситуации принятия решения;
- характеристикам информационной подготовки решения;
- особенностям детерминации процедуры принятия решения на стадии «предрешения».

К первой группе классификаций можно отнести, например,

классификацию, рассматривающую два типа систем, принимающих решение.

Для первого типа существует единый язык, на котором могут быть описаны задачи системы и способы их решения; для второго типа систем такого языка не существует. Первый тип систем представлен тремя классами: в первых двух классах (А и Б) задана четко сформулированная задача (цель), но способ действия может быть либо задан, либо нет; у третьего класса систем (В) отсутствует четко сформулированная задача, т.е., обязательным условием функционирования такой системы становится формирование целей деятельности.

К этой же группе относится классификация В.В. Дружинина и Д.С. Конторова [31], которые выделили три типа ситуаций (систем) принятия решения: информационные, оперативные, организационные.

Информационные решения должны ответить на вопрос: «что истинно?», и заключаются в диагностики ситуации («распознавании ситуации», по терминологии авторов). Оперативные решения должны ответить на вопрос: «как действовать?», и заключаются в выработке способа управления.

Организационные решения должны ответить на вопрос: «какой должна быть система, организация?», и заключаются в определении структуры и распределении функций в предполагаемой организации.

Касаясь информационной подготовки решения (вторая группа классификаций), Т. Томашевский [41] выделяет четыре типа ситуаций, в которых необходимо принятие решения о действии:

а) Ситуация выбора, другими словами классическая ситуация реакции выбора, в которой субъект должен осуществить выбор сигналов, классифицировать их на требующие и не требующие реакции.

б) Сложная ситуация, в которой рабочий должен одновременно учитывать сведения, получаемые более чем от одного источника информации, либо выполнять более чем одно действие.

в) Ситуация предпочтения, в которой различные возможные реакции имеют для человека неодинаковое значение, в которой по какой-либо причине

он выбирает одно из двух.

г) Вероятностные ситуации, возникающие в тех случаях, когда работник выполняет определенные операции при недостаточном объеме имеющейся в его распоряжении информации.

Таким образом, все перечисленные ситуации являются фактически ситуациями выбора. Ю. Козелецкий предлагает другой подход [41], в котором выделяет два основных типа ситуаций принятия решения:

- **Закрытые ситуации:** в таких ситуациях дано множество гипотез о состоянии объекта, и определение диагноза состоит лишь в установлении их вероятности и ее изменении под влиянием постепенно получаемой информации. Неопределенность в этих ситуациях состоит в том, что человек не знает, какая гипотеза из известного множества гипотез о состоянии объекта окажется истинной [41].

Автор выделяет в этом большом классе закрытых ситуаций узкие и широкие. В узких имеется всего 2 - 6 гипотез о состоянии объекта и такое же количество соответствующих действий, в широких же таких гипотез гораздо больше.

- **Открытые ситуации:** характеризуются «тотальной» неопределенностью. В них множество действий, или множество гипотез о состоянии объекта, либо ценность результатов не даны эксплицитно. В связи с этим в процессе принятия решения человек должен самостоятельно сформулировать набор гипотез по поводу неизвестного состояния объекта.

К третьей группе классификаций можно отнести обобщенную модель деятельности оператора, предложенную В.П. Зинченко и Н.И. Майзель [41].

Согласно этой модели, характер информационной подготовки решения и информационного поиска детерминирует различные типы принятия решения.

Классификация В.В. Дружинина и Д.А. Конторова позволяет отнести принятие решения на перцептивно-опознавательном уровне (задачи восприятия и опознания) к информационным решениям, а выработку способа действия при решении оперативных задач - к оперативным решениям.

Информационная подготовка принятия решения сводится к процедурам, объединяемым в две группы:

- поиск, выделение, классификация и обобщение информации о проблемной ситуации;
- построение «текущих» образов или операциональных концептуальных моделей.

Процедура принятия решения может быть описана следующими операциями:

- а) предварительное выдвижение системы «эталонных гипотез»;
- б) сопоставление текущих образов (концептуальных моделей) с рядом эталонов и оценка одинаковости (сходства) между ними;
- в) коррекция образов (моделей), «сообразование» гипотез с достигнутыми результатами;
- г) выбор эталонной гипотезы (или построение ее) или разработка принципа и программы действий.

2. Проблема неопределенности

2.1 Принцип неопределенности

Формирование другого нового принципа понимания картины мира и самого человека в нем – принципа неопределенности – имело начало и в модификации научных идеалов рациональности в философии науки, сюда относятся М.К. Мамардашвили, В.С. Степин, В.А. Лекторский, а также в развитии самой психологии проблем детерминизма-индетерминизма, субъективного и объективного, а также в построении новых по типу психологических моделей, которые включили обращение к понятию субъективной неопределенности (В.П. Зинченко, О.К. Тихомиров), толерантной личности (А. Г. Асмолов) и открытости иерархий психологической регуляции выборов (Т. В. Корнилова).

Психология неопределенности как новая область психологических исследований стала разрабатывать становление иных пояснительных парадигм, чем строящиеся на обычно принятых принципах детерминизма и целостности сознания и деятельности. Говоря о последнем из этих принципов О. К.

Тихомиров видел потребность переосмыслить его в рамках новой психологии мышления [42], это также предполагает развитие психологических понятий и интерпретационных схем, созданных по новым основам. О. К. Тихомиров реализовал эту возможность в развитии идеи единства интеллекта и аффекта в понимании Л. С. Выготского, который в свою очередь предполагал динамический аспект становления смысловых полей [10]. Он же призывал к психологическим конкретизациям принципа системности в психологии, необходимости содержательного раскрытия психологических систем [42]. Значительный вклад внес О. К. Тихомиров, говоря о принципе развития, сосредоточив исследовательскую практику на актуал-генезе мыслительной деятельности и ее видоизменении в наше время, когда везде используются информационные технологии [43]. Возможность расширения принципов психологической науки была реализована нами в обосновании принципа

неопределенности [20], этот принцип стал рассматриваться в контексте разработки представлений об использовании в психологии идеи стадильности развития наук, также изменений критериев рациональности и переформулированием проблемы полипарадигмальности психологии [21].

В психологической концепции множественной («мультипликативной») и многоуровневой (функционально-уровневой) регуляции выбора специальное значение носит освоение принципа неопределенности, который предполагает опору человека на нераздельное функционирование его интеллектуально-личностного потенциала. Соответствуя психологической регулировке выборов в условиях неопределенности это, значит выход за пределы бывших подходов в психологии принятия решений [22].

Принятие субъектом решения, то есть его выбор, это и есть то, где нужна потребность прогноза результата, имеется неопределенность его критериев и необходимо построение альтернатив (если критерии определены, их можно формализовать и отъять от субъекта, лишив его тем самым акта выбора как преодоления субъективной неопределенности). Неопределенность в психологии связывалась с вариативностью и неповторяемостью как условий, так и самих актов выбора, действия, мышления; не повторяются не только движения [13], не повторяются один и те же решения. М. К. Мамардашвили настаивал, что живое – в акте, в акте мышления или свершения (остальное – «мертвечина»). О. К. Тихомировым в первый раз в российской психологии было применено понятие энтропии для описания развития умственных стратегий человека [44], при этом рассматривая это в контексте разведения понятий личной неопределенности и информационной энтропии. Позднее Т. В. Корнилова подошла к осознанию неопределенности как незаданности иерархий процессов, фокусируемых динамическими регулятивными системами. Для разрешения как акта выбора оказываются при всем этом существенными 2 момента: «необходимость приложения субъектом интеллектуально-личностных усилий, отражаемых новообразованиями, и иерархизации «здесь и сейчас» тех парциальных систем, в которых осуществится динамическое структурирование всех

опосредствующих выбор процессов, как когнитивных, так и эмоционально-личностных».

Важным аспектом раскрытия специфики личностной регуляции выбора стало преодоление дихотомии ситуационизма-диспозиционализма. Положение о том, собственно, что в качестве основного значения в психической регуляции выбора могут занимать различные процессы (волевые, интеллектуальные, эмоционально-мотивационные и пр.), было обосновано в осознании принятия решений характеризующихся новообразованиями [23]. «...В дальнейшем Т.В. Корнилова предложила такую феноменологическую характеристику принятия решения как обратимость альтернатив для субъекта, имеющего возможность не только когнитивно оценивать ситуацию (прогнозировать ее изменения, сравнивать последствия разных исходов и т. д.), но и примеривать выбор к себе с точки зрения той личностной цены, которую человек готов платить за него («кем я стану после такого выбора». Это допускает право разделить проблему постпроизвольной регуляции поведения от собственно проблемы произвольного выбора.

Как нет истинного принятия решения при вынужденном, так и нет его при действии по принципу «на том стою и не могу иначе». В последнем случае как раз соблюдение ценностных или иных ориентиров не может позволить человеку быть «свободным» в выборе [24].

Произвольность неотделима от указанного аспекта обратимости выбора, в котором предполагается, что субъект свободно может, как принять, так и отбросить все альтернативы, вместе с тем, не придерживаясь только ситуационных условий, но и не выступая полем взаимодействия мотивационных сил или проявлений тех или иных личностных черт. Чтобы понять, что действительно означает выбор субъектом, помогает принцип неопределенности [10].

Термин «зазор», который ввел М. К. Мамардашвили, характеризует неклассический подход к субъекту познания и его характеристику временной перспективы перед ситуацией неопределенности, предшествующим понятием

было «лямбда» наблюдателя. Это зазор в ситуации выбора означает, что субъект не может в полной мере оценить одновременно и ситуацию, и себя в этой ситуации. Он может это оценить только в последовательном осознании [33].

Если говорить о бытийном зазоре, то в ситуации выбора он может находиться между личностными ценностями и решениями, которые он выберет. Здесь ведущим уровнем принятия решения является самосознание, хоть и в регулицию выбора включены и соотносимые с другими актуализируемыми процессами ситуационные ориентиры.

Всякий раз субъект по новой осознает, как именно он сопоставит свой выбор с требованиями ситуации, и с требованиями к себе, а именно, с личностными ценностями. Субъект может, как следовать, так и не следовать им в данной ситуации. Это говорит не о том, что ценности не сформировались, а о произвольности решения и критичности личности. Иначе, как это было показано в исследованиях интолерантной личности, следование принятым ценностям может приводить не просто к ригидности и авторитарности, но и к слепому фанатизму, это в свою очередь не предполагает обратимости решений.

Таким образом, необходимо предполагать не только личностные компоненты регуляции выбора, но и произвольность (а значит и динамику) следования им. Другой важной координатой выбора считается его разумность, рассматриваемая в теориях рационального выбора [56], интеллектуального [23], мыслительного. О. К. Тихомиров предполагал, что выделение интеллектуальных решений идет по критерию выхода мыслительной деятельности на ведущий уровень в иерархии процессов, которые опосредствуют принятие решений. Но при этом здесь нет исключения смысловой регуляции самой мыслительной деятельности [45]. Однако психология прошла достаточно долгий путь преодоления рационалистской трактовки мышления [6], все равно термин «рациональный» не может заменить термина «интеллектуальный», даже в представлении о мыслительном опосредствовании принятия решений. Наряду с этим изменение методологических критериев рациональности значительно повлияло на смену

постановки проблемы интеллектуальных решений человека. «...Человек «разумный», как и человек «почвенный», непрерывно «заняты» процессами целеобразования, принятия решений и другими формами самоопределения, без которых не может решаться вопрос их онтологического присутствия в этом – предметном – мире...» [13].

Таким образом, какая бы ни была картина мира и человека в нем, он не освобождается от ответственности за собственную жизнь, и за те решения, включая обыденные и судьбоносные, которые он принимает каждодневно. Принятие решений же необходимо именно потому, что бытийно заданы условия неопределенности. Отсюда следует, что суть человеческого бытия – это постоянное преодоление неопределенности, незаданность любых форм и оснований его решений и действий.

2.2 Понятие и специфика поведения в условиях неопределенности

«Ситуацию неопределенности можно рассматривать двояко: как состояние человека, его внутренние переживания или в русле особенности реагирования и поведения личности в условиях неопределенности» [30]. По мнению А.Л. Галина, когда возникает состояние неопределенности, оно на протяжении длительного времени переживается в момент перехода от одного целостного представления в организации поведения к другому целостному представлению [11].

На адекватный выбор стратегии поведения в ситуации неопределенности, с точки зрения Л.И. Анцыферовой, влияет способность личности к оценке ситуации [5]. Такая оценка во многом зависит от уверенности человека в собственном контроле над ситуацией и возможностью ее изменения. В.А.

Бодров считает, что невозможность эффективного преодоления ситуации неопределенности зависит от отсутствия у человека возможности и способности предсказывать развитие событий [7].

Таким образом, для ситуации неопределенности характерно, что в ее основе заложена проблемная ситуация, которая появляется не только при

дефиците информации, но при ее избыточности. Ситуация неопределенности вызывает неоднозначную субъективную оценку восприятия информации о ней и обладает динамикой, определяемой степенью возможного ее изменения, преобразования или модификации в интервале времени, соизмеримом со временем решения задачи в этих условиях. Еще одной характеристикой ситуации неопределенности является сложность, которая выражается как функция числа переменных, факторов, объектов, связей, которые необходимо учитывать при разрешении ситуации неопределенности.

3. Когнитивные стили

3.1 Понятие и специфика феномена «когнитивный стиль»

Проблема когнитивных стилей является предметом исследования многих психологов уже в течении многих лет. Несмотря на то, что различные когнитивные стили разрабатывались авторами, отталкивавшимися зачастую от различных теоретических предпосылок, их противопоставление классическим теориям интеллекта и тестологическому подходу определило ряд общих черт, актуальных и для современного представления о когнитивно-стилевой проблематике. А именно: когнитивный стиль – это:

- структурная характеристика познавательной сферы, свидетельствующая об особенностях ее организации и не имеющая прямого отношения к ее содержанию;

- инструментальная характеристика интеллектуальной деятельности;

- биполярное измерение (в отличие от униполярных шкал интеллекта);

- устойчивая характеристика субъекта, стабильно проявляющаяся на разных уровнях интеллектуального функционирования;

- при всей своей устойчивости стиль - это предпочтение определенного способа интеллектуального поведения, а не единственный возможный способ;

- к когнитивным стилям не применимы оценочные суждения, т.к.

преимущества и недостатки того или иного полюса определяются конкретной задачей и ситуацией, в отличие от выраженной оценочной направленности шкал интеллекта [48].

Из недостатков такого подхода отмечается принципиальное отсутствие норм, необходимость оценивать испытуемых относительно полюсов когнитивного стиля только в рамках конкретной выборки - испытуемый с определенным полюсом когнитивного стиля в рамках своей выборки может бы быть отнесен к противоположному полюсу в другой [48].

Большинство авторов указывают, что когнитивные стили соотносятся с четкой и существенной спецификой кодирования, хранения и обработки

информации индивидом [53, 54, 57]. В ряде исследований [49] показано существование корреляций интеллектуальной продуктивности с определенными когнитивными стилями, однако М. А. Холодная [48] указывает, что связь этих феноменов является скорее опосредствованной.

Исследования связи когнитивных стилей и уровня сформированности концептуальных структур обращаются к когнитивным стилям как к показателям произвольных интеллектуальных процессов. В частности, когнитивные стили независимость/полнезависимость и импульсивность/рефлексивность отражают характеристики произвольного интеллектуального контроля и темпа принятия решений, стиль широкий/узкий диапазон эквивалентности -

особенности произвольной категоризации. Концептуальные структуры в свою очередь определяются М. А. Холодной [49] как ментальные структуры, являющиеся единицами анализа понятийного мышления, их функционирование объединяет в себе произвольные и произвольные компоненты мышления.

Уровень сформированности концептуальных структур человека оказывается связан со степенью выраженности когнитивных стилей.

Наличествующие определения когнитивного стиля, проявляют зависимость от круга рассматриваемых через призму стиля явлений и теоретико-методологических позиций авторов. В одной из первых работ на русском языке, посвященных изучению когнитивных стилей, Е. Т. Соколова [38]

предлагает включать в когнитивный стиль характеристики познавательных процессов, аффективной сферы и отношения в коллективе. Такая трактовка когнитивного стиля включает в себя не только характер взаимодействия человека с его окружением (предметным и социальным), но и способы контроля аффективной сферы и особенности Я-концепции (самооценки) личности [38].

М. Викат и В.А. Колга [8] определяют стиль как системное качество познавательного инструментария человека и рассматривают когнитивные стили через отражение пространственно-временных характеристик среды,

содержащее сознательные и бессознательные наслоения. В. М. Аллахвердов [2] говорит о когнитивном стиле как совокупности критериев предпочтения,

используемых человеком при познании мира и построении его моделей, и подчеркивает продуктивный, а не ограничивающий познавательные возможности индивида характер стиля. И. В. Равич-Щербо [18] рассматривает когнитивный стиль в контексте познавательной сферы личности, подчеркивая при этом его связь с другими характеристиками различного уровня от психофизиологических до социально-психологических особенностей.

Множественность определений когнитивного стиля сохраняется и после 70-80-х гг. XX века. Современное определение когнитивного стиля, данное в работах М. А. Холодной, сформулировано следующим образом: когнитивные стили - это «индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения» [48].

Когнитивному стилю, как и другим стилевым образованиям личности, присущи следующие функции:

- адаптационная, состоит в приспособлении индивидуальности к требованиям данной деятельности и социальной среды;
- компенсаторная, формирование когнитивного стиля строится с опорой на сильные стороны индивидуальности и с учетом слабых сторон;
- системообразующая, позволяет, с одной стороны, формироваться стилю на основе многих ранее сложившихся характеристик индивидуальности, с другой стороны, влиять на многие аспекты поведения человека;
- самовыражения, состоит в возможности индивидуальности выразить себя через уникальный способ выполнения деятельности или через манеру поведения;
- регуляторная, когнитивные стили оказывают прямое влияние на характер переработки информации и особенности аффективных состояний, и косвенное на процесс взаимодействия человека со своим окружением.

Последняя функция связана с малоизученной проблемой влияния когнитивных стилей на вариативность реального поведения человека в сфере общения (например, на его самораскрытие и самопредъявление). Есть все

основания ожидать, что дифференцированность объектов (партнеров по общению) на сенсорном входе приведет к дифференцированности поведенческих реакций на выходе.

Изучение когнитивных стилей как детерминант поведения человека представляется нам очень перспективным, поскольку их исследование выводит на фундаментальные проблемы мировосприятия человека. Таким образом, когнитивные стили можно рассматривать как фактор, опосредующий реализацию интеллектуального потенциала личности.

3.2 Виды когнитивных стилей в психологии

В настоящее время в отечественной и зарубежной литературе упоминается около двух десятков различных когнитивных стилей по М. А.

Холодной [48]; Е. П. Ильину [14], однако основу их составляют десять биполярных шкал, выделенных в период расцвета когнитивно-стилевой проблематики:

- Полезависимость/полenezависимость.
- Узкий/широкий диапазон эквивалентности.
- Широта категории.
- Ригидный/гибкий познавательный контроль (аналитичность/синтетичность).
- Толерантность к нереалистичному опыту.
- Фокусирующий/сканирующий контроль.
- Сглаживание/заострение.
- Импульсивность/рефлексивность.
- Конкретная/абстрактная концептуализация.
- Когнитивная простота/сложность.

Обратимся к краткой характеристике отдельных когнитивных стилей:

Стиль полезависимость/полenezависимость. Первоначальная разработка данного стиля проводится в работах Г. Уиткина и его коллег. Руководствуясь принципами и теоретическими конструктами гештальтпсихологии, они

исследовали особенности полевого поведения человека, в частности эффекты фигуры и фона, части и целого. Параметр полезависимости был впервые описан в контексте изучения индивидуальных различий в пространственной ориентации, в ситуации манипуляции с объектом под действием контекста (как в тесте «Стержень и рамка»). Позднее были описаны индивидуальные различия в перцептивной деятельности по решению задачи обнаружения простой фигуры в сложной (как в тесте «Включенные фигуры» и его модификациях). Суть стилевых различий - в способности одних испытуемых легко преодолевать воздействие зрительного поля, опираясь на некоторые внутренние (например - проприорецептивные) критерии, в то время как другие этого сделать не способны. Дальнейшие исследования [48] показали, что стиль полезависимость/полenezависимость связан с целым рядом видов интеллектуальной деятельности, такими как работа с текстом, стили обучения, межличностные отношения, особенности переработки информации, внимание.

Импульсивность/рефлексивность. При изучении процессов категоризации у детей Дж. Кагану удалось выявить различия в способах решения задач, которые становились более заметными с возрастом и проявлялись даже внутри одной возрастной группы.

Индивидуальные различия в скорости принятия решений Дж. Каган связывает с особенностями мотивационно-аффективной сферы личности.

Импульсивность и рефлексивность - это два варианта баланса между субъективными ценностями: быстрым успехом и страхом ошибиться. В последствии акцент при изучении данного стиля сместился с показателя скорости ответов (когнитивного темпа) на количество ошибок, совершаемых при выполнении теста [52].

Узкий/широкий диапазон эквивалентности. Наряду с такими когнитивными стилями, как широта категории, гибкий /ригидный контроль, толерантность к нереалистичному опыту, фокусирующий / сканирующий контроль, сглаживание /заострение, этот когнитивный стиль берет начало в работах Р.Гарднера [48] и других психологов психоаналитического направления.

В этих работах разрабатывалось понятие когнитивного контроля (или когнитивных контролей) как некоторых механизмов, опосредствующих связь внешних воздействий и потребностно-аффективных образований. Когнитивные контроли - это с одной стороны структуры сдерживания аффективных побуждений, с другой - факторы координации психических возможностей индивида и требований ситуации, задающие адаптивный характер поведения.

Феноменологически когнитивные контроли представляют из себя индивидуально-своеобразные способы анализа, понимания и оценки происходящего. Когнитивные контроли индивидуальны в том смысле, что оптимальны для конкретного человека, не могут быть навязаны извне.

По мнению Р. Гарднера, одного когнитивного контроля недостаточно для оценки личности, их необходимо рассматривать в комплексе, этот комплекс и называется когнитивным стилем. Когнитивный стиль в данном подходе трактуется как комплексное качество [48].

Ригидный/гибкий познавательный контроль. Данный стиль характеризует степень субъективной трудности смены способа переработки информации в ситуации когнитивного конфликта, например, при переходе от вербальных функций к сенсорно-перцептивным. Ярким примером такой смены функций является прохождение методики словесно-цветовой интерференции Дж.

Струпа. Она измеряет также меру автоматизации познавательных функций [48].

Таким образом, один полюс когнитивного стиля представляет собой гибкий контроль и сильную автоматизацию, второй - ригидный контроль и слабую автоматизацию. При обучении ригидность познавательного контроля коррелирует с низкими показателями запоминания, низкой успеваемостью, импульсивностью и нейротизмом. Д. Броверманом было предложено еще одно измерение для этого когнитивного стиля: коэффициент вербальности, отражающий когнитивно-стилевое предпочтение словесно-речевой и сенсорно-перцептивной форм опыта. Когнитивный стиль гибкий / ригидный познавательный контроль также связан с процессом регуляции познавательной активности в условиях когнитивного конфликта.

Классический вариант когнитивно-стилевого подхода в настоящее время сталкивается с серьезной критикой по целому ряду направлений. Во-первых, дихотомические шкалы оказываются не в силах описать все многообразие стилевой специфики человека. Некоторые авторы (напр., Д. А. Леонтьев [29]) склоняются к тому, что понятие «стиля» по этой причине не может быть в полной мере отнесено к когнитивным стилям, поскольку не дают целостного идиографического описания человека.

Другая проблема заключалась в так называемом эффекте «мобильности стилей» [49]: стиль является стабильной, но до определенной степени произвольно изменяемой характеристикой, т.к. под действием инструкции или при диагностике различными методиками один и тот же испытуемый может оказаться отнесенным к разным полюсам одного и того же стиля.

Еще одним существенным уточнением когнитивно-стилевого подхода является указание М. А. Холодной [49] на связь когнитивных стилей с процессами произвольного интеллектуального контроля, проявляющегося, в частности, в процессах понятийного мышления. Такая трактовка роли когнитивных стилей основывается на представлении о когнитивных стилях как о метакогнитивных образованиях, обуславливающих «особенности организации ментального опыта субъекта» [48]. В рамках данного подхода определенные полюса когнитивных стилей оказываются тесно связаны с процессами торможения нерелевантных схем и действий и другими регулятивными когнитивными процессами [48].

Четыре описанных выше когнитивных стиля представляют интерес по нескольким причинам. Во-первых, эти стили достаточно ярко проявляются в повседневной человеческой жизни и с течением времени исследования в этой области не утратили свою актуальность. Когнитивные стили импульсивность / рефлексивность проявляются в сфере общения [51], влияют на скорость решения сенсорных задач [50]; демонстрируют связь со стратегиями совладания [46]. Стили полнезависимость / полнезависимость и узкий / широкий диапазон эквивалентности исследуются также в контексте изучения

эмоциональных состояний [37].

Во-вторых, описанные стили проявляются в ситуациях, часто встречающихся в компьютерных играх: проблема различения объектов в сложном визуальном поле (полезависимость/полenezависимость), скорость и точности принятия решений относительно неопределенных стимулов (импульсивность/рефлективность), быстрая смена способов переработки информации (гибкий/ригидный познавательный контроль). Когнитивный стиль узкий/широкий диапазон эквивалентности как ориентация на сходства или различия между объектами также может проявляться в игровой деятельности при различении игровых объектов и ситуаций. Исследования процесса принятия решений в диалоге с компьютером О. К. Тихомирова и Т. В.

Корниловой [25] показывают изменение временных и продуктивных характеристик принятия решений в ситуации неопределенности в зависимости от степени выраженности полезависимости/полenezависимости и импульсивности/рефлективности. Когнитивные стили полезависимость/полenezависимость и гибкий/ригидный познавательный контроль представляются в значительной степени связанными с механизмами непроизвольного торможения иррелевантных стимулов, т.е. механизма, который в свою очередь демонстрирует свою специфику у геймеров.

Таким образом, обобщая результаты анализа научных источников по проблеме когнитивных стилей, мы можем заключить, что в настоящее время когнитивные стили как глобальные конструкты, описывающие типичные для человека способы получения и переработки информации, проявляются во всех сферах жизни человека, и если компьютерная игра способствует проявлению тех или иных стилевых свойств, то вероятно, что и в повседневной жизни человек, увлекающийся компьютерными играми будет действовать согласно этим предпочитаемым способам-стилям. В то же время данная проблематика только начинает изучаться в психологической литературе.

3.3 Эффективность принятия решений в условиях неопределенности

Когнитивные стили имеют решающее значение в процессах принятия решения [34]. Они, как считает Т.В. Корнилова, используются с тем, чтобы обозначить, с одной стороны, индивидуальные различия в процессах переработки информации и, с другой, типы людей в зависимости от особенностей организации их когнитивной сферы [25].

Как отмечает Г.Н. Прыгин, изучение процессов принятия решений в монографиях отечественных авторов позволяет выделить два типа решений: детерминированные и вероятностные [25]. Детерминированные решения представляют собой процедуры обработки данных по определенным критериям и правилам и делятся на два класса; критерии достижения цели деятельности; критерии предпочтительности (программы, способы деятельности, поиски информационных признаков).

Критерии первого класса позволяют принять решение, достигла деятельность цели или нет. На основе критериев второго класса производится сравнительный анализ эффективности той или иной цели, способа, программы и т. п. Детерминированные решения возможны в том случае, когда субъект располагает необходимой и достаточной информацией, правилами решений, достаточным для обработки информации по соответствующим правилам и критериям. В отсутствие необходимой и достаточной информации или в условиях дефицита времени решение строится субъектом по вероятностному принципу.

Понятие когнитивного стиля у многих авторов используется с тем, чтобы обозначить, с одной стороны, индивидуальные различия в процессах переработки информации и, с другой, типы людей в зависимости от особенностей организации их когнитивной сферы [48].

Более ранние работы Г.С. Прыгина [35] также указывают на то, что в процессе переработки информации особенности используемых стратегий связаны с типологией субъектной регуляции и существенно различаются для

двух их основных типов — «автономного» и «зависимого».

Для того, чтобы выявить особенности стратегий принятия решения в условиях неопределенности, связанные с типологией субъектной регуляции и уровнем развития рефлексии, Г.С. Прыгиным было осуществлено исследование, в котором проверялась гипотеза о том, что имеются значимые различия в стратегиях принятия решения в условиях неопределенности между субъектами с «автономным» и «зависимым» типом субъектной регуляции, в частности: «автономные» субъекты склонны к рефлексивному стилю принятия решения, в то время как «зависимые» субъекты — к импульсивному стилю; кроме того, в ситуации «истинностного» принятия решения «автономные» субъекты демонстрируют логическое принятие решения, в отличие от «зависимых», которые делают выбор, основываясь на эмоциях.

По результатам исследования были сделаны выводы о том, что «автономные» субъекты гораздо медленнее принимают решение, обдумывают верный ответ, чем «зависимые» индивиды. «Зависимые» спешат со временем принятия решения, таким образом, большинство субъектов проявляли импульсивный темп реагирования. «Автономные» индивиды—рефлексивный стиль. Детерминанты индивидуальных различий в скорости принятия решений Каган связывал с особенностями мотивационно- аффективной сферы личности. Так, тенденция быть рефлексивным (длительное время принятия решения) либо импульсивным (быстрое время принятия решения) есть функция баланса между двумя субъективными ценностями: ориентацией на быстрый успех либо тревогой за возможную ошибку.

В рамках исследований было определено, что если тревога относительно возможности сделать ошибку больше, чем его желание быстро добиться успеха, то он будет обнаруживать рефлексивный стиль. Если тревога в связи с собственными ошибками меньше желания быстрого успеха, то будет преобладать импульсивный стиль [35].

Рефлексивные лица склонны принимать решения с учетом максимально полной информации о ситуации. М.А. Холодная утверждает, что они

затрачивают больше времени не столько на оценку своих гипотез, сколько на сбор информации в процессе построения ментальной репрезентации ситуации [48]. Причем делают они это систематически. Гипотезы проверяются и многократно уточняются, решение принимается на основе тщательного предварительного анализа признаков альтернативных объектов. Испытуемые затрачивают время на обдумывание, анализирование, поэтому принятие решения происходит медленнее в условиях неопределенного выбора. В этом случае при использовании таких стратегий реагирования больше медленных и точных индивидов оказывается среди «автономных» учащихся.

В исследовании Г.С. Прыгина было установлено [35], что чем больше испытуемые затрачивают время на выполнение задания, тем меньше совершают ошибок. Учащиеся автономного типа субъектной регуляции предпочитают лишний раз подумать, чем тратить время на исправление допущенных ошибок.

Они обладают высокой работоспособностью, систематичностью в выполнении работы, хорошо развиты, свойства внимания (концентрация, перераспределение) помогают таким индивидам успешно выполнять деятельность. «Зависимые» личности, демонстрируя импульсивный стиль, склонны осуществлять деятельность быстро, допуская при этом значительное количество ошибок.

Определено, что когнитивные стили оказывают непосредственное влияние на эффективность принятия решений в ситуациях неопределенности.

Процессы принятия решения в типологических группах субъектной регуляции деятельности в условиях неопределенности как неполной информированности выступают на первый план в усложняющемся мире, требующем от человека способности к новому мышлению.

4 Эффективность принятия решения в условиях неопределенности лицами с разным когнитивным стилем

4.1. Объекты исследования

В исследовании участвовали 40 испытуемых в возрасте 20 – 23 лет. Средний возраст $21,87 \pm 0,91$. Из них количество лиц с полнезависимым когнитивным стилем составило 28 человек (мужчин - 17), а лиц с полезависимым когнитивным стилем – 12 человек (мужчин - 7). Среди испытуемых было правшей - 15, левшей – 25 человек. Количество правшей с полнезависимым когнитивным стилем - 10 человек (мужчин - 6), левшей – 18 человек (мужчин - 12). Количество правшей с полезависимым когнитивным стилем - 5 человек (мужчин - 2), левшей - 7 (мужчин – 5).

Количество лиц с рефлексивным когнитивным стилем составило 25 человек (мужчин – 15), а лиц с импульсивным когнитивным стилем – 15 человек (мужчин – 9). Количество правшей с рефлексивным когнитивным стилем – 5 человек (мужчин – 3), левшей – 20 человек (мужчин – 12). Количество правшей с импульсивным когнитивным стилем – 10 человек (мужчин – 5), левшей – 5 (мужчин – 4).

Все испытуемые были с нормальной остротой зрения, либо скорректированной примерно до 1.

4.2 Методы исследования

Для определения параметра полезависимость/полнезависимость использовали методику «Включенные фигуры» К.Б. Готтшальдта. Методика состоит из 30 листов-бланков, на каждом листе-бланке располагаются простые геометрические фигуры (фигуры – эталоны) и несколько сложных геометрических фигур, в которых содержится в качестве части простая фигура (фигура – эталон). Испытуемому предъявляются сложные фигуры (изображения), в каждой из которых имеется один из простых эталонов,

закодированных буквами А, Б, В, Г, Д. Испытуемый должен найти в каждом случае, какой из этих элементов содержится в рисунке и указать его (поставить галочку рядом с кодом элемента).

Обработка и интерпретация (ключ):

Подсчет сырых баллов производится в соответствии с ключом, приведенным в таблице 1.

Таблица 1 – Ключ к методике «Включенные фигуры» К.Б. Готтшальдта

1. А	1. Б	11.Б	16. Д	21. Г	26. Б
2. Б	2. А	12. А	17. А	22. Б	27. А
3. В	3. В	13. А	18. Д	23. Г	28. Д
4. Г	4. Д	14. В	19. Б	24. А	29. В
5. В	5. Д	15. Б	20. В	25. Д	30. Б

За каждый правильный (совпадающий с ключом) ответ присваивается 1 балл. Фиксируется время поиска каждой фигуры и ошибки. Подсчитывается индекс полезависимости/полenezависимости по формуле: $I_{пз/пнз} = \text{количество правильных решений} / \text{общее время (мин.)}$.

При $I_{пз/пнз} > 2,5$ считается выраженным параметр полenezависимости.

При $I_{пз/пнз} < 2,5$ выражен параметр полезависимости.

Для определения параметра импульсивность/рефлексивность использовали классическую методику «Сравнение похожих рисунков» Дж.

Кагана(1966). Испытуемым на предварительном этапе предлагается выполнить две пробы без учета времени. В основном исследовании испытуемым последовательно предъявляются 12 пар картинок (в каждой паре один эталонный стимул и несколько тех, из которых будет осуществляться выбор,

только один из них повторяет эталонный). На каждом листе сверху находится изображение знакомого предмета (фигура-эталон), а внизу располагаются в два ряда 8 пар почти идентичных изображений этого же предмета, среди которых одно полностью идентично эталону. Испытуемым требуется указать идентичную с «эталоном» фигурку, т.е. сделать правильный выбор как можно быстрее. Фиксируется время поиска и правильность либо ошибочность выборов. Анализируются средние показатели времени (по всем «эталонам»), общее количество ошибок.

Для оценки эффективности принятия решения использовали компьютерную версию Голлин-теста (Gollin, 1960), предложенную Н.

Фореманом (Foreman, 1991) и созданную С.В. Прониным в лаборатории физиологии зрения Института физиологии им. И.П. Павлова РАН. Голлин-тест основан на измерении порогов узнавания фигур в условиях последовательного формирования их контура из отдельных фрагментов (Рисунок 1). Предъявляли 76 контурных изображений общеизвестных объектов. Линии, составляющие контурное изображение объекта, формировали на экране дисплея Lenovo B560 (диагональ – 39.6 см, разрешение – 1366*768, частота квантования – 60 Гц) в режиме прогрессивного накопления путем случайного добавления блоков пикселей со скоростью предъявления – 10 фрагмент/с. Дистанция наблюдения – 1,5 м, средний размер проекции изображения на сетчатку – 3,4 угл/град.

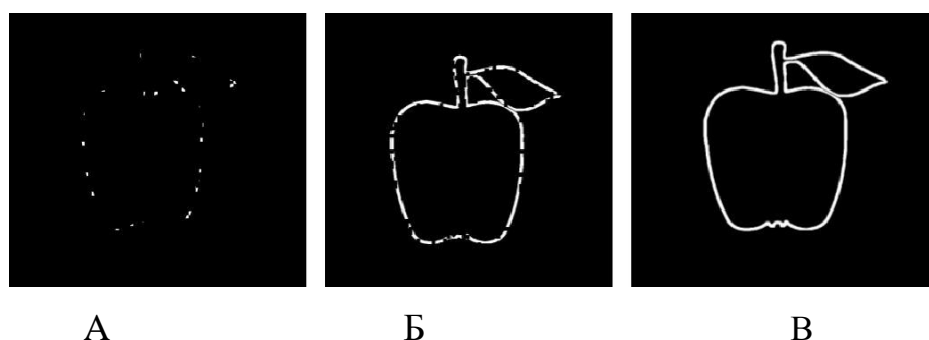

Рисунок 1 – Демонстрация последовательного накопления элементов контурного изображения (Шелепин, 2009). А – количество выведенных на экран монитора элементов контура – 7%; Б – 76%; В – количество элементов – 100%.

Задача испытуемого – правильно идентифицировать объект. В момент опознания фигуры накопление фрагментов останавливали и фиксировали пороговую (минимальную) суммарную площадь выведенных в этот момент фрагментов в процентах от полной площади контура, а также время формирования изображения.

4.3. Эффективность принятия решения в условиях неопределенности лицами с полезависимым/полenezависимым когнитивным стилем

Эффективность принятия решений в условиях неопределенности лицами с полезависимым/полenezависимым когнитивным стилем определяли с целью изучения роли механизмов глобального и локального анализа в процессах опознания и построения целостного образа.

Среднее значение порога распознавания объектов у лиц с полезависимым когнитивным стилем составило $23,27 \pm 15,55\%$, полenezависимым стилем – $21,45 \pm 11,77\%$ (Рисунок 2). Достоверность различий составила $p = 3,48 \cdot 10^{-24}$.

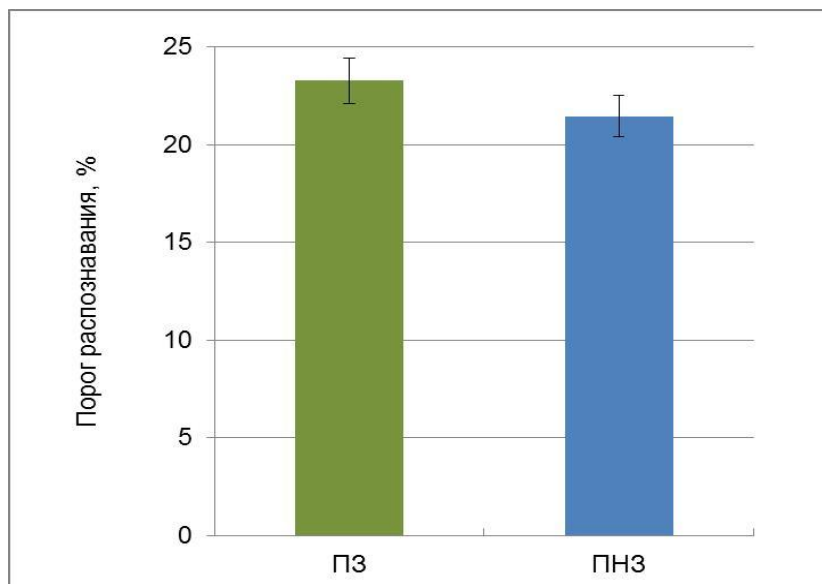

Рисунок 2 – Эффективность принятия решений в условиях неопределенности у лиц с полезависимым/полenezависимым когнитивным стилем.

Таким образом, лицам с полнезависимым когнитивным стилем понадобилось меньшее количество элементов контура для опознания изображений, чем полезависимым. Соответственно, эффективность принятия решения в условиях неопределенности у лиц с полнезависимым когнитивным стилем достоверно выше, чем у полезависимых.

В виду того, что в составе выборки оказалось довольно большое количество левшей, представляет интерес оценка эффективности принятия решений в условиях неопределенности у лиц с разным типом мануальной асимметрии.

Эффективность принятия решений в условиях неопределенности лицами с полезависимым/полнезависимым когнитивным стилем с разным типом мануальной асимметрии

Среднее значение порога распознавания объектов у правшей с полезависимым когнитивным стилем составило $20,22 \pm 12,5\%$, тогда как у левшей с полезависимым стилем – $25,52 \pm 14,04\%$ (Рисунок 3). Достоверность различий в эффективности опознания в условиях неопределенности у правшей и левшей с полезависимым когнитивным стилем составила $p=4,76 \cdot 10^{-10}$.

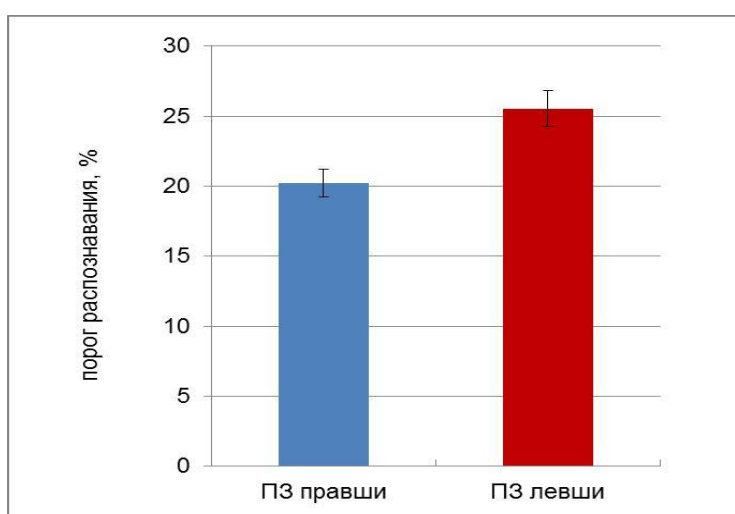

Рисунок 3 – Эффективность принятия решений в условиях неопределенности у лиц с полнезависимым когнитивным стилем.

Таким образом, правшам с полнезависимым когнитивным стилем понадобилось меньшее количество элементов контура для опознания изображений, чем левшам. Соответственно, эффективность принятия решения в условиях неопределенности у лиц с полнезависимым когнитивным стилем выше у правшей, чем у левшей.

Среднее значение порога распознавания объектов у правшей с полнезависимым когнитивным стилем составило $17,68 \pm 8,48\%$, тогда как у левшей с полнезависимым когнитивным стилем – $23,66 \pm 12,82\%$ (Рисунок 4).

Достоверность различий в эффективности опознания в условиях неопределенности у правшей и левшей с полнезависимым когнитивным стилем составила $p=9,42 \cdot 10^{-34}$. Таким образом, правшам с полнезависимым когнитивным стилем понадобилось меньшее количество элементов контура для опознания изображений, чем левшам.

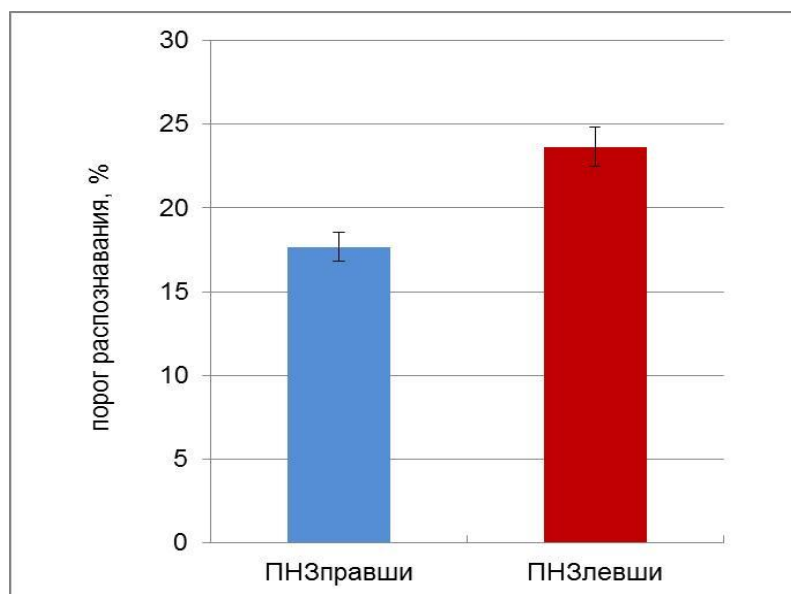

Рисунок 4 – Эффективность принятия решений у лиц с полнезависимым когнитивным стилем.

Соответственно, эффективность принятия решения в условиях неопределенности у лиц с полнезависимым когнитивным стилем достоверно

выше у правшей, чем у левшей.

Для наглядности сравнения эффективности опознания фрагментированных изображений у лиц с полезависимым/полнезависимым когнитивным стилем с разным типом мануальной асимметрии полученные данные представлены на рисунке 5.

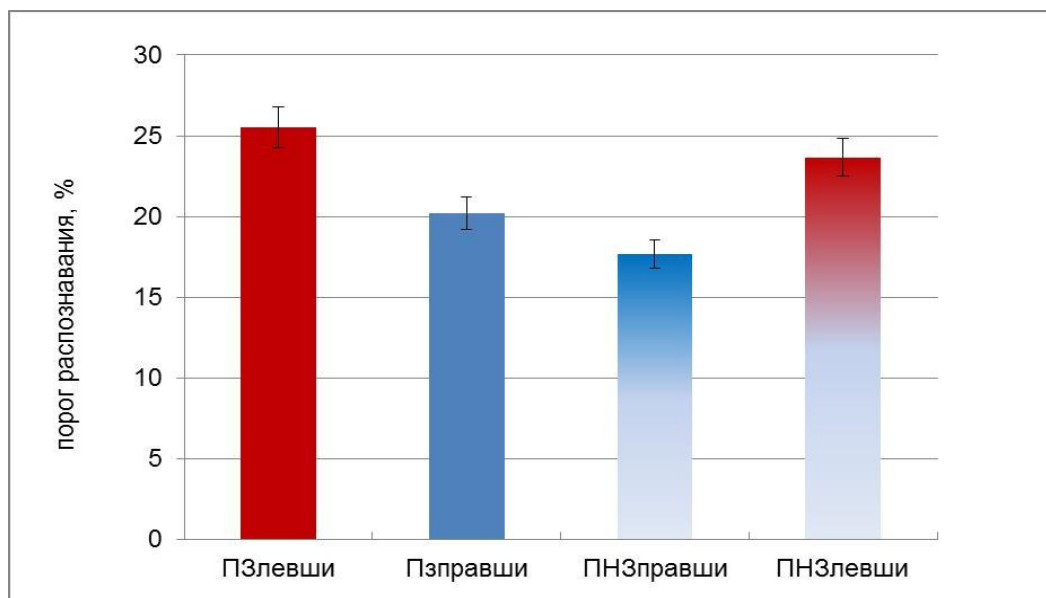

Рисунок 5 – Эффективность принятия решений у лиц с полезависимым/полнезависимым когнитивным стилем и разным типом мануальной асимметрии.

Правшам с полнезависимым когнитивным стилем понадобилось меньшее количество элементов контура для опознания изображений, чем левшам и лицам с полезависимым когнитивным стилем и разным типом мануальной асимметрии. Следовательно, порог распознавания у правшей с полнезависимым когнитивным стилем достоверно ниже, чем у левшей и лиц с полезависимым когнитивным стилем и разным типом мануальной асимметрии. Из этого следует, что наиболее высокая эффективность принятия решения в условиях неопределенности у правшей с полнезависимым когнитивным стилем.

4.4. Эффективность принятия решения в условиях неопределенности лицами с импульсивным/рефлексивным когнитивным стилем

Среднее значение порога распознавания объектов у лиц с импульсивным когнитивным стилем составило $22,68 \pm 13,19\%$, рефлексивным стилем – $20,71 \pm 12,79\%$ (Рисунок 6). Достоверность различий составила $p = 3,79 \cdot 10^{-21}$.

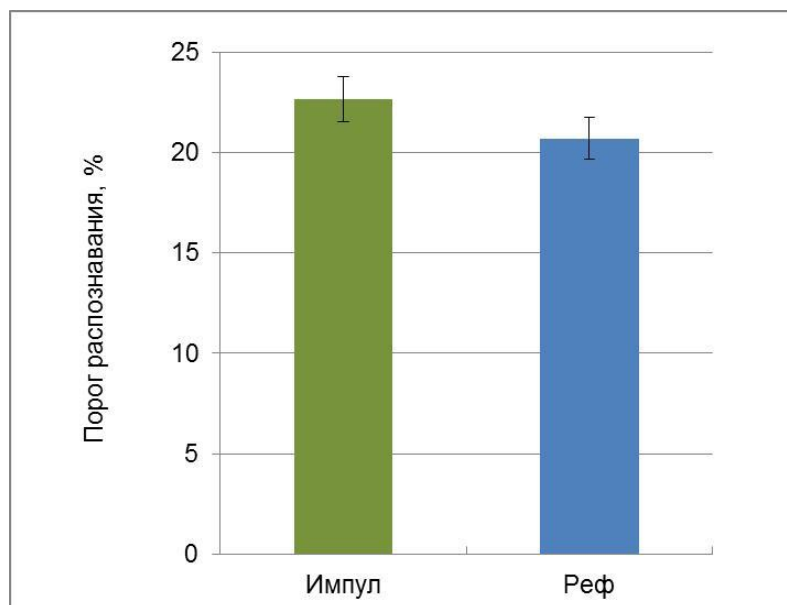

Рисунок 6 – Эффективность принятия решений у лиц с импульсивным/рефлексивным когнитивным стилем.

Таким образом, лицам с рефлексивным когнитивным стилем понадобилось меньшее количество элементов контура для опознания изображений, чем импульсивным. Соответственно, эффективность принятия решения в условиях неопределенности у лиц с рефлексивным когнитивным стилем достоверно выше, чем у импульсивных.

Эффективность принятия решений в условиях неопределенности лицами с импульсивным когнитивным стилем с разным типом мануальной асимметрии.

Среднее значение порога распознавания объектов у правшей с

импульсивным когнитивным стилем составило $19,1 \pm 10,83\%$, тогда как у левшей с импульсивным стилем – $23,93 \pm 16,87\%$ (Рисунок 7). Достоверность различий в эффективности опознавания в условиях неопределенности у правшей и левшей с импульсивным когнитивным стилем составила $p = 8,64 * 10^{-23}$.

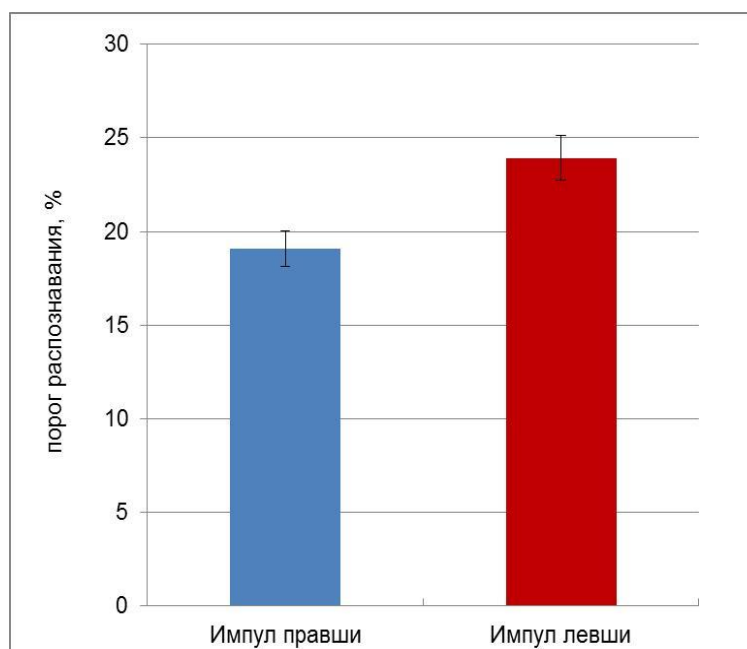

Рисунок 7 – Эффективность принятия решений у лиц с импульсивным когнитивным стилем.

Таким образом, правшам с импульсивным когнитивным стилем понадобилось меньшее количество элементов контура для опознавания изображений, чем левшам. Соответственно, эффективность принятия решения в условиях неопределенности у лиц с импульсивным когнитивным стилем выше у правшей, чем у левшей.

Эффективность принятия решений в условиях неопределенности лицами с рефлексивным когнитивным стилем с разным типом мануальной асимметрии.

Среднее значение порога распознавания объектов у правшей с рефлексивным когнитивным стилем составило $16,65 \pm 7,4\%$, тогда как у левшей с рефлексивным когнитивным стилем – $24,27 \pm 13,42\%$ (Рисунок 8).

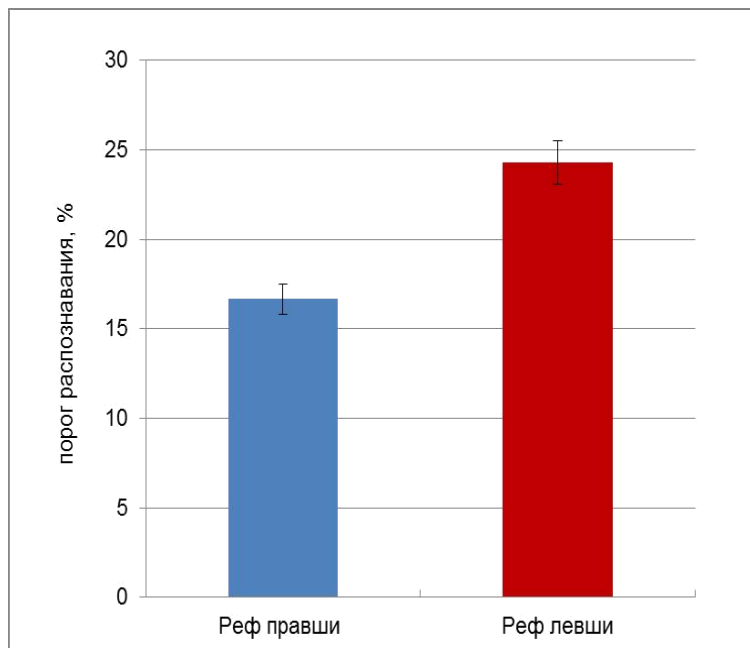

Рисунок 8 – Эффективность принятия решений у лиц с рефлексивным когнитивным стилем.

Достоверность различий в эффективности опознания в условиях неопределенности у правшей и левшей с рефлексивным когнитивным стилем составила $p=2,34*10^{-37}$. Таким образом, правшам с рефлексивным когнитивным стилем понадобилось меньшее количество элементов контура для опознания изображений, чем левшам. Соответственно, эффективность принятия решения в условиях неопределенности у лиц с рефлексивным когнитивным стилем выше у правшей, чем у левшей.

При сравнении эффективности опознания фрагментированных изображений у лиц с импульсивным/рефлексивным когнитивным стилем с разным типом мануальной асимметрии установлено следующее (Рисунок 9).

Правшам с рефлексивным когнитивным стилем понадобилось меньшее количество элементов контура для опознания изображений, чем левшам и лицам с импульсивным когнитивным стилем и разным типом мануальной асимметрии.

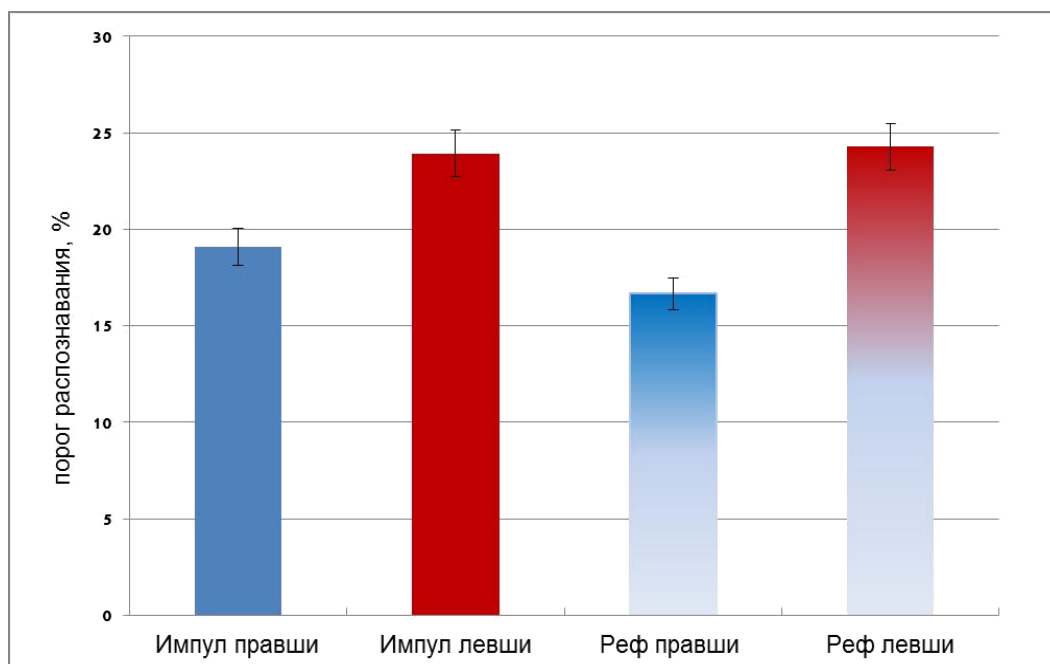

Рисунок 9 – Эффективность принятия решений у лиц с импульсивным/рефлексивным когнитивным стилем и разным типом мануальной асимметрии.

Следовательно, порог распознавания у правшей с рефлексивным когнитивным стилем ниже, чем у левшей и лиц с импульсивным когнитивным стилем и разным типом мануальной асимметрии. Из этого следует, что высокая эффективность принятия решения в условиях неопределенности у правшей с рефлексивным когнитивным стилем.

Таким образом, фактор мануальной асимметрии оказывает влияние на эффективность принятия решений в условиях неопределенности у лиц с разными когнитивными стилями.

Эффективность принятия решений в условиях неопределенности у мужчин и женщин с полезависимым/полнезависимым когнитивным стилем.

Среднее значение порога распознавания объектов у мужчин с полезависимым когнитивным стилем составило $23,37 \pm 15,62\%$, тогда как у

женщин с полезависимым когнитивным стилем – $23,13 \pm 15,47\%$ (Рисунок. 10).

Достоверность различий в эффективности опознания в условиях неопределенности у мужчин и женщин с полезависимым когнитивным стилем составила $p=0,8$.

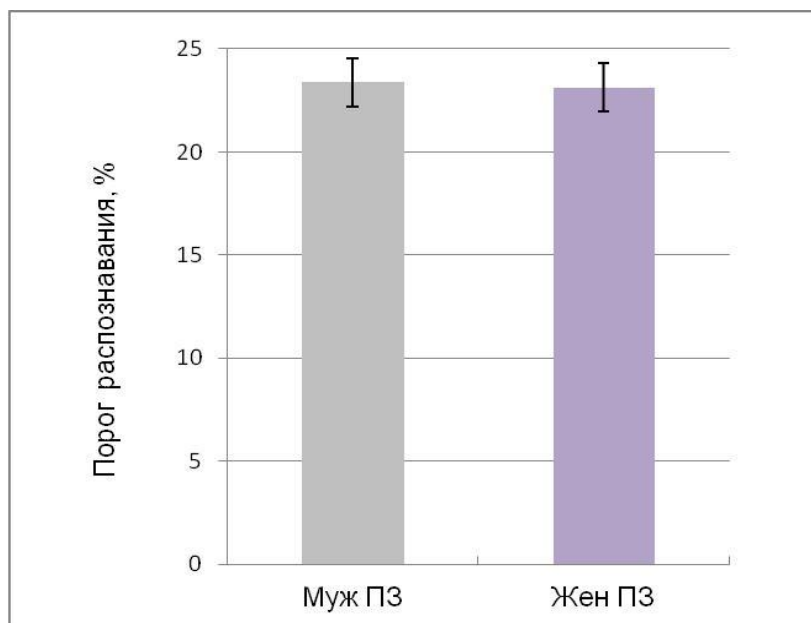

Рисунок 10 – Эффективность принятия решений у мужчин и женщин с полезависимым когнитивным стилем.

Отсюда следует, что различия в эффективности принятия решений в условиях неопределенности у мужчин и женщин с полезависимым когнитивным стилем отсутствуют.

Среднее значение порога распознавания объектов у мужчин с полезависимым когнитивным стилем составило $21,05 \pm 11,59\%$, тогда как у женщин с полезависимым когнитивным стилем – $21,63 \pm 11,68\%$ (Рисунок. 11).

Достоверность различий в эффективности опознания в условиях неопределенности у мужчин и женщин с полезависимым когнитивным стилем составила $p=0,8$. Отсюда следует, что различия в эффективности

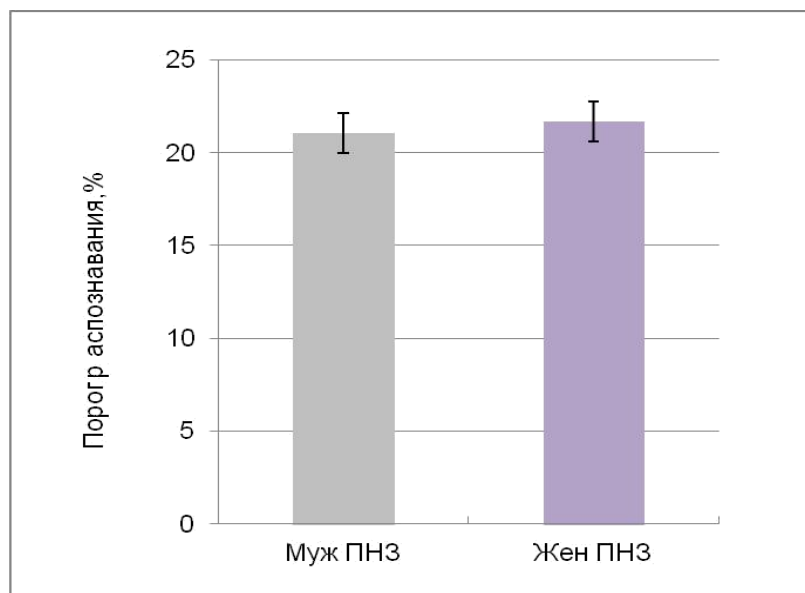

Рисунок 11 – Эффективность принятия решений у мужчин и женщин с полнезависимым когнитивным стилем.

принятия решений в условиях неопределенности у мужчин и женщин с полнезависимым когнитивным стилем отсутствуют.

Среднее значение порога распознавания объектов у мужчин с импульсивным когнитивным стилем составило $21,04 \pm 13,28\%$, тогда как у женщин с импульсивным когнитивным стилем – $20,21 \pm 13,07\%$ (Рисунок. 12).

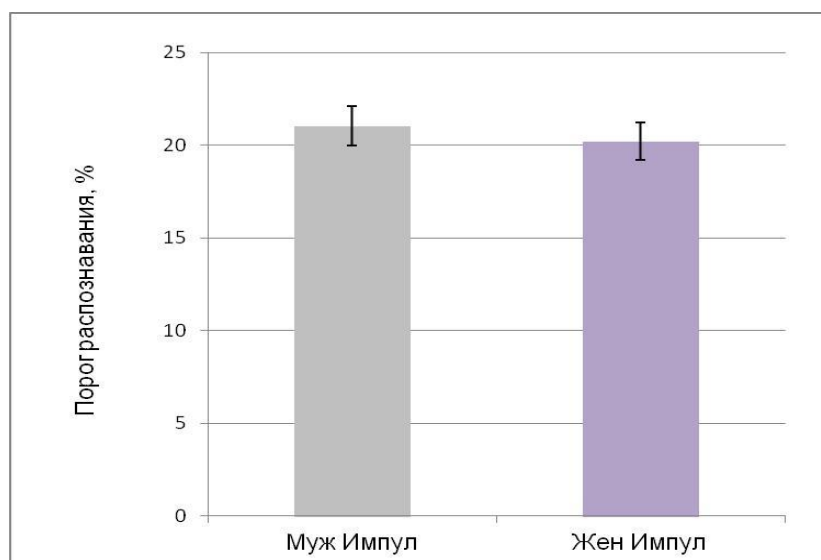

Рисунок 12 – Эффективность принятия решений у мужчин и женщин с импульсивным когнитивным стилем.

Достоверность различий в эффективности опознания в условиях неопределенности у мужчин и женщин с полнезависимым когнитивным стилем составила $p=0,7$. Отсюда следует, что различия в эффективности принятия решений в условиях неопределенности у мужчин и женщин с импульсивным когнитивным стилем отсутствуют.

Среднее значение порога распознавания объектов у мужчин с импульсивным когнитивным стилем составило $22,26\pm 12,61\%$, тогда как у женщин с импульсивным когнитивным стилем – $23,28\pm 13,02\%$ (Рисунок. 13).

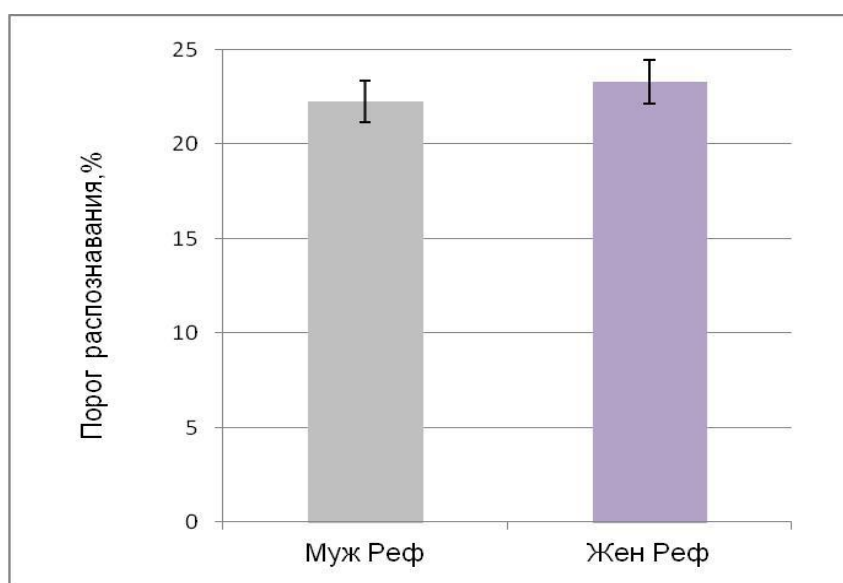

Рисунок 13 – Эффективность принятия решений у мужчин и женщин с рефлексивным когнитивным стилем.

Достоверность различий в эффективности опознания в условиях неопределенности у мужчин и женщин с полнезависимым когнитивным стилем составила $p=0,34$. Отсюда следует, что различия в эффективности принятия решений в условиях неопределенности у мужчин и женщин с рефлексивным когнитивным стилем отсутствуют. Таким образом, фактор пола не оказывает влияния на эффективность принятия решений в условиях неопределенности у лиц с разными когнитивными стилями.

ВЫВОДЫ

1. Лица с полнезависимым когнитивным стилем демонстрируют достоверно более высокий уровень эффективности принятия решений в условиях неопределенности, чем лица с полнезависимым когнитивным стилем.

2. Лица с рефлексивным когнитивным стилем демонстрируют достоверно более высокий уровень эффективности принятия решений в условиях неопределенности, чем лица с импульсивным когнитивным стилем.

3. Тип мануальной асимметрии оказывает влияние на эффективность принятия решений в условиях неопределенности у лиц с разным когнитивным стилем. Достоверно наиболее высокую эффективность демонстрируют правши с полнезависимым когнитивным стилем, а также правши с рефлексивным когнитивным стилем.

4. Влияние пола на эффективность принятия решений в условиях неопределенности у лиц с разным когнитивным стилем не установлено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время когнитивные стили как глобальные конструкты, описывающие типичные для человека способы получения и переработки информации, проявляются во всех сферах жизни человека. В то же время данная проблематика только начинает привлекать внимание психологов и представителей других наук.

Под когнитивным стилем обычно понимают стабильные индивидуально-своеобразные способы и приемы переработки информации. Однако очевидно, что особенности когнитивного процесса, а следовательно и когнитивного стиля, можно исследовать только через те или иные характеристики его продукта, полученного в рамках определенных психометрических процедур. Проблема когнитивно-стилевого подхода заключается в центрации на данных процедурах.

Все известные сегодня когнитивные стили возникали как некое измерение со слабым психологическим обоснованием, которое затем приобретало ряд конкурирующих интерпретаций, как правило, достаточно спорных и лишенных эмпирического подтверждения.

Изучение когнитивных стилей как детерминант поведения человека представляется очень перспективным, поскольку их исследование выводит на фундаментальные проблемы мировосприятия человека. Стилевой подход добавляет новую грань к описанию и пониманию индивидуальности человека.

Преимущества изучения стиля в том, что стилевые характеристики непосредственно связаны с деятельностью или поведением личности. Из этого следует, что прогноз, основанный на знании стиля, является более надежным и точным, чем на основе личностных черт или мотивов. Стиль является средоточием многих личностных характеристик. Когнитивные связаны с обработкой любой поступающей информации. Это позволяет выявлять когнитивные стили на сравнительно простых тестовых заданиях, а потом осуществлять прогноз относительно поведения человека в самых разных

ситуациях.

Для ситуации неопределенности характерно то, что в основе её лежит проблемная ситуация, которая возникает не только при дефиците информации, но при ее избыточности. Ситуация неопределенности вызывает неоднозначную субъективную оценку восприятия информации о ней и обладает динамикой, определяемой степенью возможного ее изменения, преобразования или модификации в интервале времени, соизмеримом со временем решения задачи в этих условиях. Третьей характеристикой ситуации неопределенности является сложность, которая выражается как функция числа переменных, факторов, объектов, связей, необходимо учитываемых при решении ситуации неопределенности.

Цель настоящей работы состояла в изучении эффективности принятия решения в условиях неопределенности лицами с разными когнитивными стилями. Установлено, что лица с полнезависимым когнитивным стилем демонстрируют достоверно более высокий уровень эффективности принятия решений в условиях неопределенности, чем лица с полнезависимым когнитивным стилем. Так же наиболее высокую эффективность принятия решений в условиях неопределенности демонстрируют лица с рефлексивным стилем, чем лица с импульсивным когнитивным стилем. Кроме того, эффективность принятия решений в условиях неопределенности зависела от типа мануальной асимметрии. Достоверно наиболее высокую эффективность демонстрировали правши с полнезависимым стилем, а также правши с рефлексивным когнитивным стилем. В тоже время не установлено влияния на эффективность принятия решений в условиях неопределенности такого фундаментального фактора как пол испытуемых.

Таким образом, стилевой подход добавляет новую грань к описанию и пониманию индивидуальности человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
2. Аллахвердов В. М. Когнитивные стили в контурах процесса познания // Когнитивные стили. Тезисы научно-практического семинара / Под ред. В.А.Колги - Таллинн: Таллинский пед. ин-т им. Э. Вильде. - 1986. - С. 17-20.
3. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. (Экспериментальная психологика) / В.М. Аллахвердов. - СПб. : Издательство ДНК, 2000. -Т.1.
4. Анохин П. К «Принятие решения в психологии» М., 1974
5. Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. - 1993. -№2.- С. 3-16.
6. Бирюков Б. В., Тихомиров О. К. Принятие решений как предмет методологических и психологических исследований. Послесловие / Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. — М.: Прогресс, 1979. С. 464–500.
7. Бодров В.А. Когнитивные процессы и психологический стресс / В.А. Бодров // Психологический журнал. - 1996. -Т.17.-№4.- С. 64-74.
8. Викат М., Колга, В. А. Звучание времени и зримое пространство в когнитивных стилях // Когнитивные стили. Тезисы научно-практического семинара / Под ред. В. А. Колги - Таллинн: Таллинский пед. ин-т им. Э. Вильде. - 1986. - с. 82-86.
9. Выготский Л. С. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 1. —М., 1964
10. Выготский Л. В. Мышление и речь. – М.: Педагогика, 1983. Собр соч. в 6 т. Т.2.
11. Галин А.Л. Состояния неопределенности и вдохновения творческом поведении человека / А.Л. Галин [Электронный ресурс]. - Режим доступа : www.db-is.net/.

12. Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. М., 1983.

13. Зинченко В. П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? / Человек в ситуации неопределенности / Гл. ред. А. К. Болотова. — М.: ТЕИС. 2007. С. 9–33.

14. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий - СПб.: Питер, 2004. -701 с.

15. Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений. М.: Юристъ, 1998.

16. Карпов А. В. Методологические основы психологии принятия решения. Ярославль, 1999.

17. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.

18. Клаус Г. Введение в дифференциальную психологию учения. - М.: Педагогика, 1987. - 176 с.

19. Корнилова Т. В. Мотивационная регуляция принятия решений: современные представления // Современная психология мотивации / Под ред. ДА. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 172 - 213.

20. Корнилова Т. В. Принцип неопределенности: основания и проблемы // Психологические исследования. 2010. №3 (11). [http:// psystudy. ru](http://psystudy.ru).

21. Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. Учебник. — М.: Юрайт, 2011.

22. Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений. — М.: Аспект Пресс, 2003.

23. Корнилова Т. В., Тихомиров О. К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. — М.: Изд-во МГУ. 1990.

24. Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. — М.: Смысл, 2010.

25. Корнилова Т. В., Скотникова, И. Г., Чудина, Т. В., Шуранова, О. И. Когнитивный стиль и факторы принятия решения в ситуации неопределенности

// Когнитивные стили. Тезисы научно-практического семинара / Под ред. В. А. Колги - Таллинн: Таллинский пед. ин-т им. Э.Вильде, 1986. - С. 99-103.

26. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

27. Леонтьев Д. А., Пилипко Н. В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. N 1. С. 97 - 110.

28. Ломов Б. Ф. Математика и психология в изучении процессов принятия решений // Нормативные и дескриптивные модели принятия решений / Под ред.

Б. Ф. Ломова и др. М.: Наука, 1981. С. 5 – 20 29. Леонтьев Д. А.

Индивидуальный стиль и индивидуальные стили —
взгляд из 1990-х // Стиль человека: психологический анализ / под ред. А. В. Либина. -М.: Смысл, 1998. - С. 93-108.

30. Луковицкая Е.Г. Неопределенность и отношение к ней: психологическое определение / Е.Г. Луковицкая // Теоретические и прикладные вопросы психологии. - СПб. : Издательство СПбГУ. - 1996. - Вып. 2. -Ч.2.- С. 53-62.

31. «Модели принятия решений». УЧР 7а/64. - Х.: ООО «Апекс+», 2007. - 60 с.

32. Моргунов Е.Б. Управление персоналом: исследование, оценка, обучение. Учебное пособие. М.: ЗАО <Бизнес-школа <Интел-Синтез>, 2000.

33. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. — Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011.

34. Прыгин Г.Н. Особенности принятия решения в условиях неопределенности лицами с разными когнитивными стилями и типами субъективной регуляции//Социальный мир человека - Вып. 4. -Ижевск, 2012 - 172 с.

35. Прыгин ГС. Проявление феномена «автономности—зависимости» в учебной деятельности. // Новые исследования в психологии. —1984. — № 2. — С. 48-52.

36. Петровский В. А. Неадаптивная активность личности. М., 1992.
37. Семьяшкин А. А. Гендерные различия во взаимосвязях когнитивных стилей и темперамента // Вестник ТГПУ. - 2010. - № 2. - С. 130-134.
38. Соколова Е. Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. - 128 с.
39. Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: МГУ, 1985.
40. Современная психология: Справочное руководство / Под ред. Дружинина В.Н. М.: Инфра-М, 1999.
41. «Теории принятия решений». УЧР 7а/63. - Х.: ООО «Апекс+», 2007. - 120 с.
42. Тихомиров О. К. Понятия и принципы общей психологии. — М.: МГУ, 1992.
43. Тихомиров О. К. Информационный век и теория Л. С.Выготского // Психологический журнал, 1993. № 1. С. 114-119.
44. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. — М.: МГУ, 1969.
45. Тихомиров О. К. Психология мышления. — М.: МГУ, 1984.
46. Хазова С. А. Роль когнитивных факторов в совладании с жизненными трудностями // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. -М.: Институт психологии РАН, 2008. - С. 274-289.
47. Холодная М.А. Когнитивные стили как проявление своеобразия индивидуального интеллекта. - Киев: УМК ВО, 1990. - 75 с.
48. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. -СПб.: Питер, 2004. - 384 с.
49. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. - 431 с.

50. Чекалина А.И., Гусев А. Н. Влияние импульсивности-рефлексивности на эффективность решения сенсорных задач с разным уровнем информационной нагрузки // Психологические исследования: электрон. науч. журн. - 2011. - № 2 (16).

51. Шкуратова И. П. Когнитивный стиль и общение - Ростов-на-Дону: Изд-во РПУ, 1994. - 156 с.

52. Шошина И. И. Локальный и глобальный анализ изображений в норме и при шизофрении. — Спб.: 2015.

53. Шошина И.И., Шелепин Ю.Е. Эффективность различения размера отрезков линий лицами с разными показателями когнитивного стиля // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. – 2013. – Т. 63. – № 3. С. 349–357.

54. Шошина И.И. Величина иллюзии Понцо у лиц с разными показателями когнитивного стиля // «Познание в деятельности и общении от теории и практики к эксперименту» под ред. В.А. Барабанщиков. – М.: «Институт психологии РАН», 2011. – С. 123–129.

55. Newell A., Simon H. A. Human problem solving. N. Y., 1972.

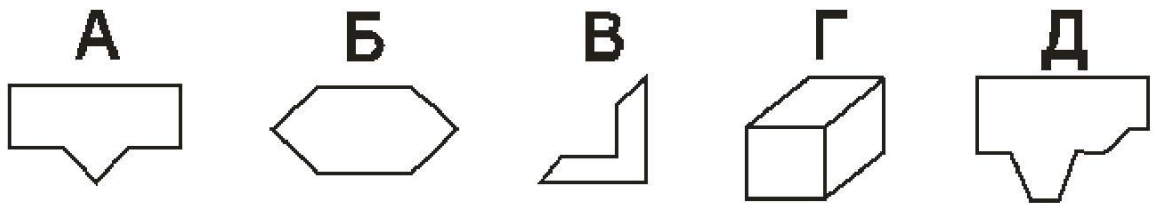
56. Hastie R. K., Dawes R. M. Rational Choice in an Uncertain World: The Psychology of Judgment and Decision Making. 2nd ed. 2010. SAGE Publication.

57. Shoshina I.I., Shelepin Yu. E. Effectiveness of Discrimination of the Sizes of Line Segments by Humans with Different Cognitive Style Parameters // Neuroscience and Behavioral Physiology. 2014. – V. 44. – Issue 7. – pp 748-753.

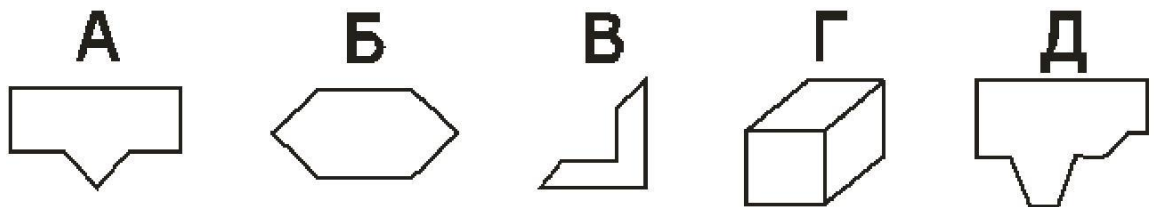
ПРИЛОЖЕНИЕ А

Стимульный материал. Методика «Включенные фигуры»

К.Б. Готтшальдта

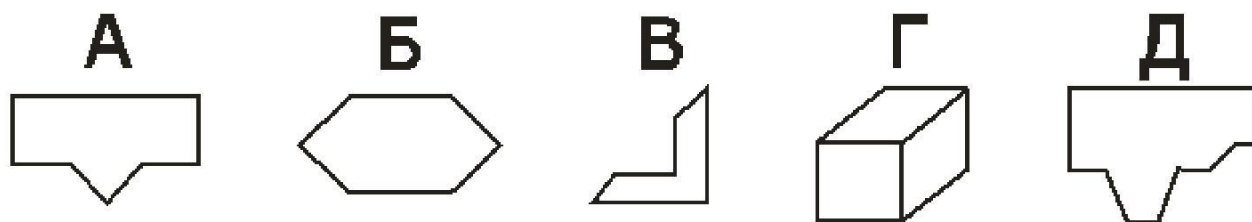

1 	2 	3 	1	
4 	5 	6 	2	
			3	
			4	
			5	
			6	

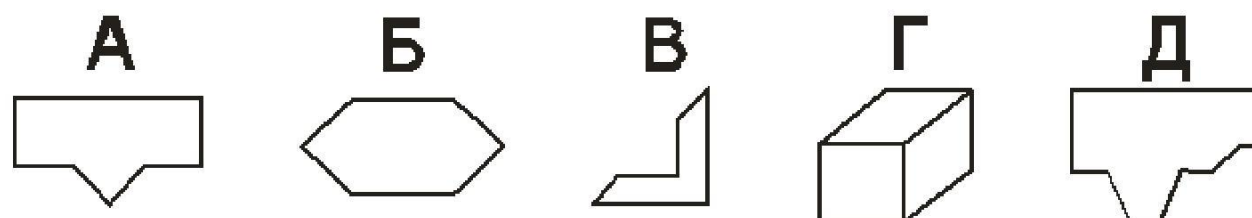

7 	8 	9 	7	
10 	11 	12 	8	
			9	
			10	
			11	
			12	

Продолжение приложения А

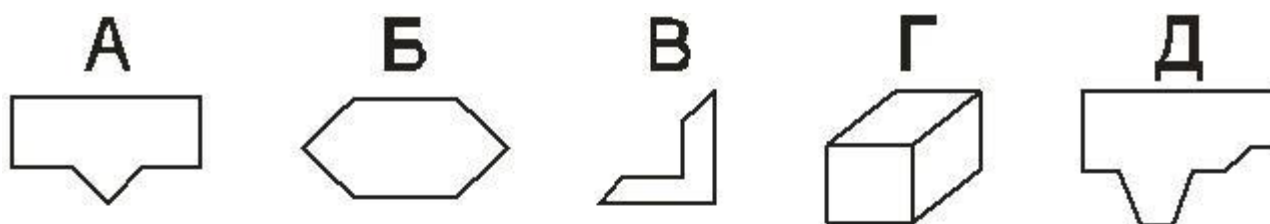

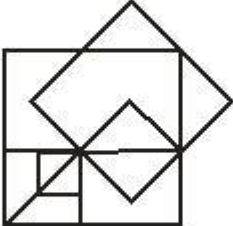
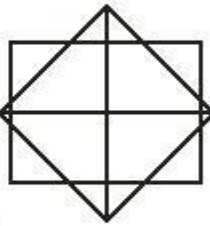
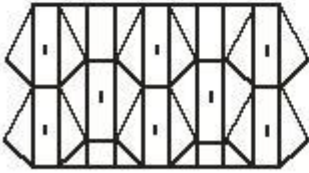
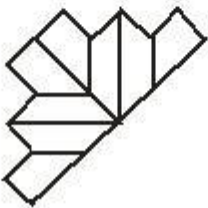
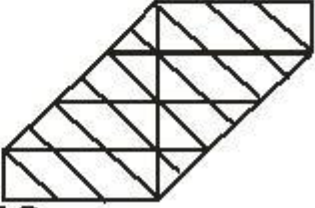
13		14		13	
				14	
				15	
16		17		16	
				17	
				18	

19		20		19	
				20	
				21	
22		23		22	
				23	
				24	

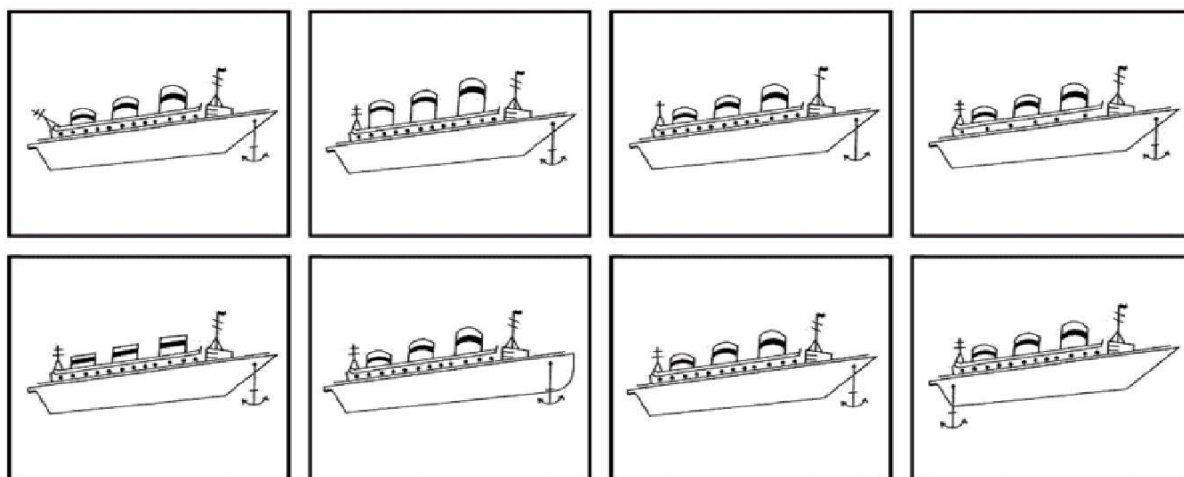
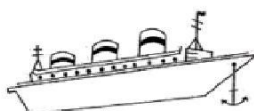
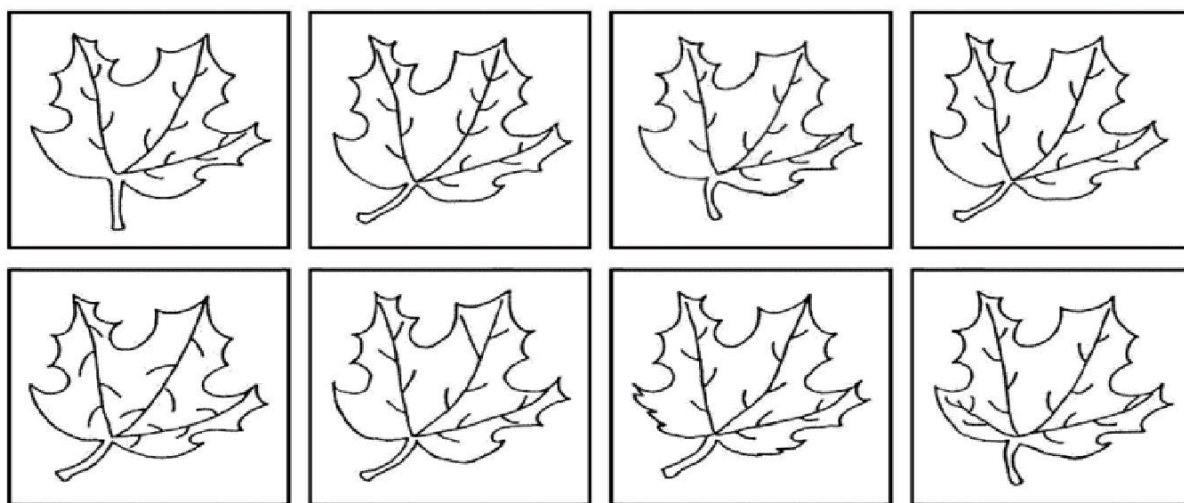
Окончание приложения А

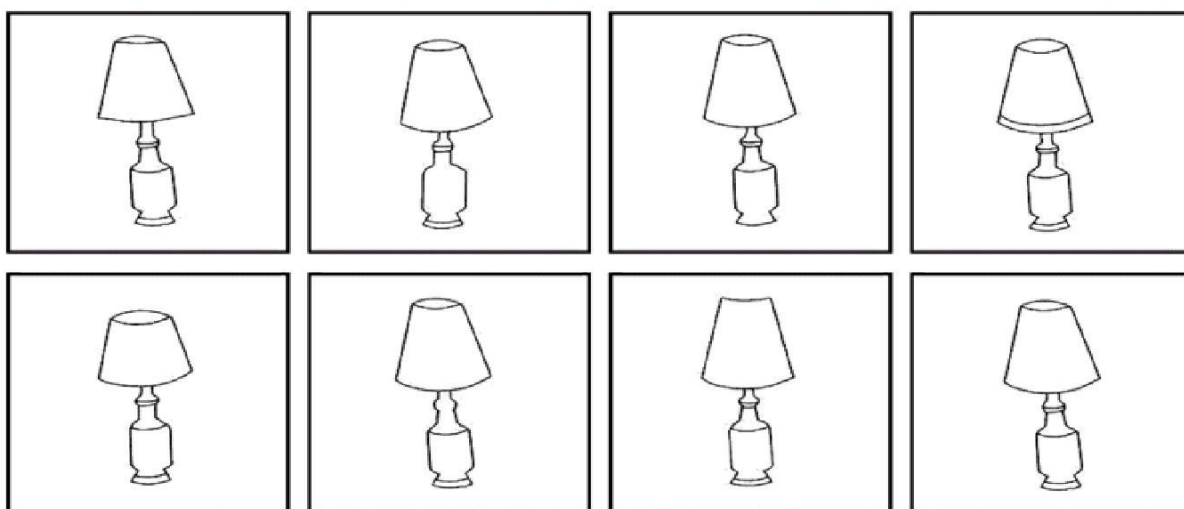
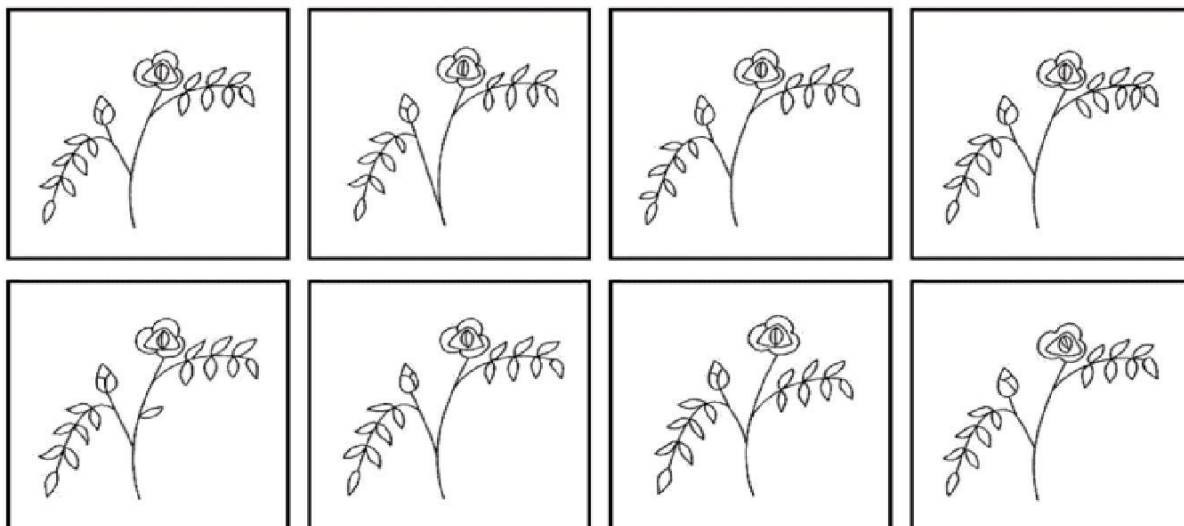
 <p>25</p>	 <p>26</p>	 <p>27</p>	25	
 <p>28</p>	 <p>29</p>	 <p>30</p>	26	
			27	
			28	
			29	
			30	

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

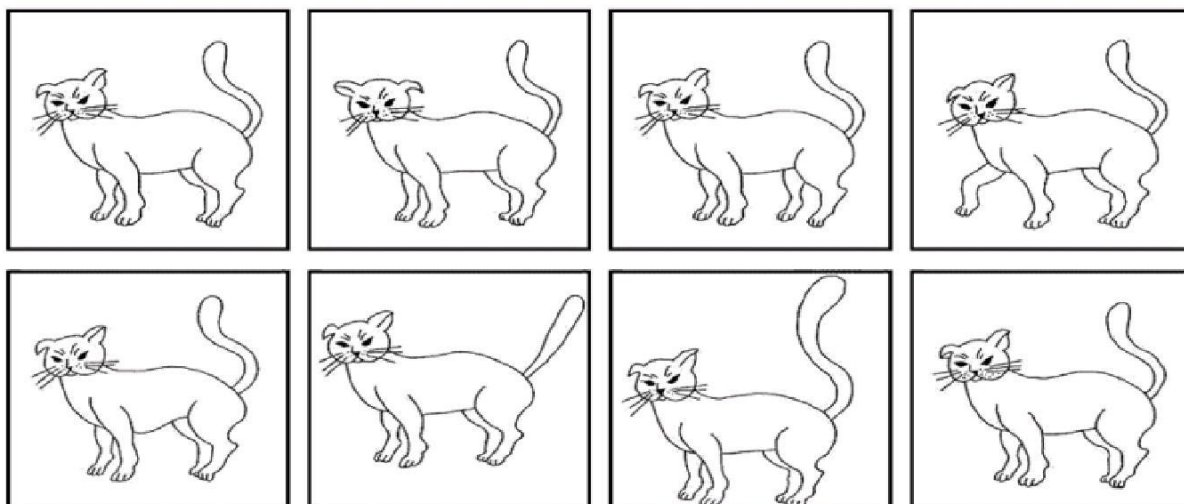
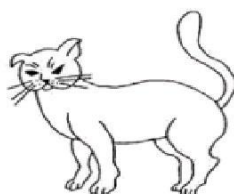
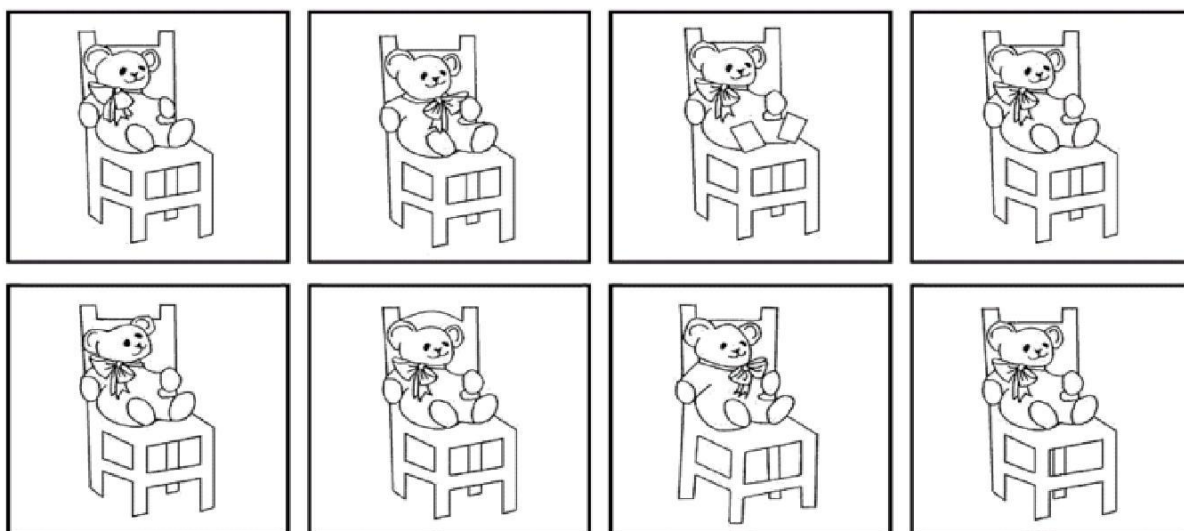
Стимульный материал. Методика «Сравнение похожих рисунков» Кагана
для определения параметра импульсивный/рефлексивный

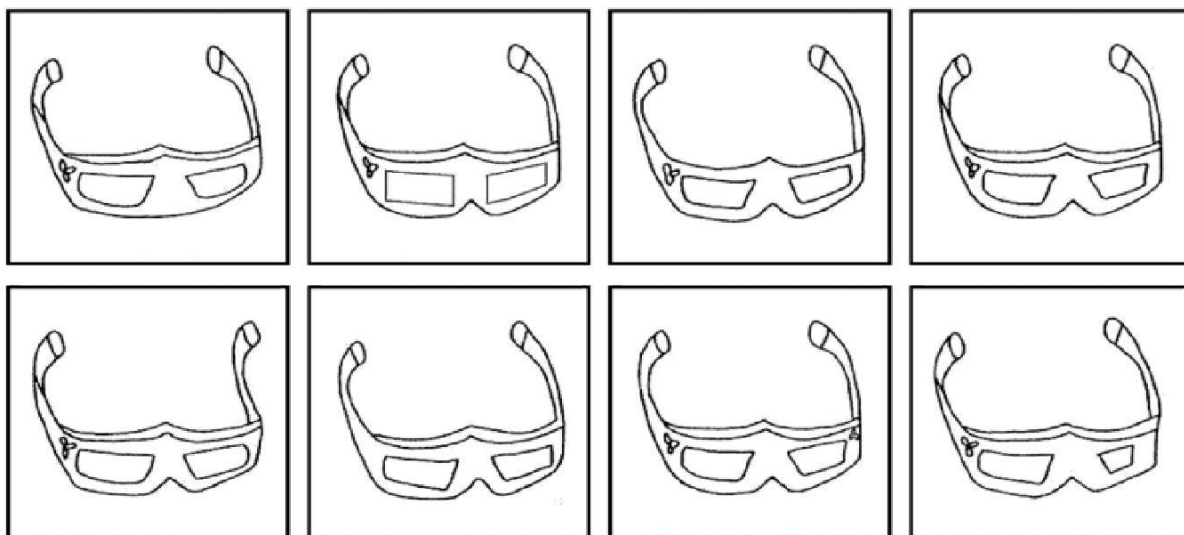
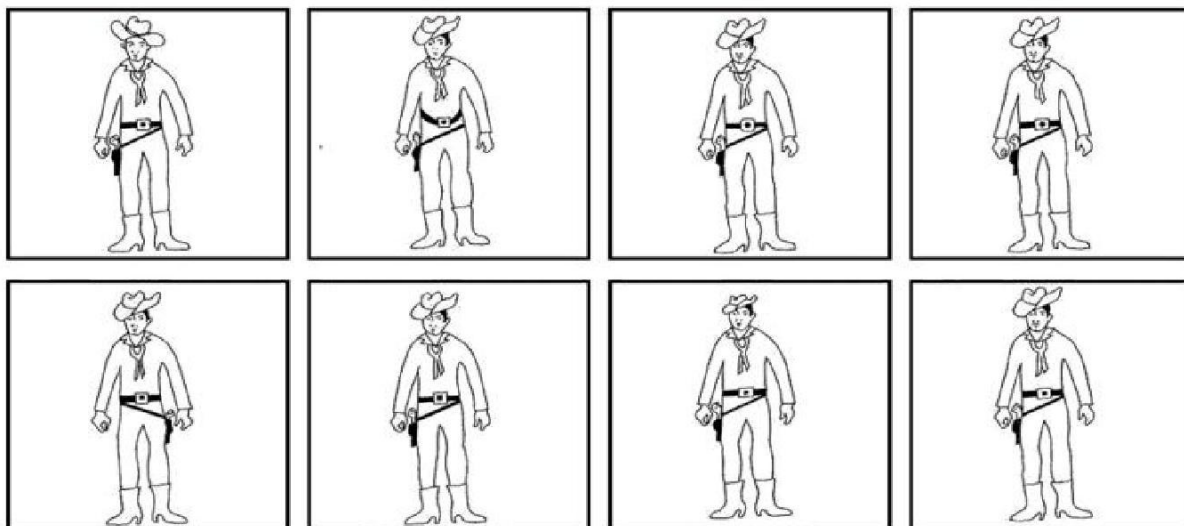
Продолжение приложения Б

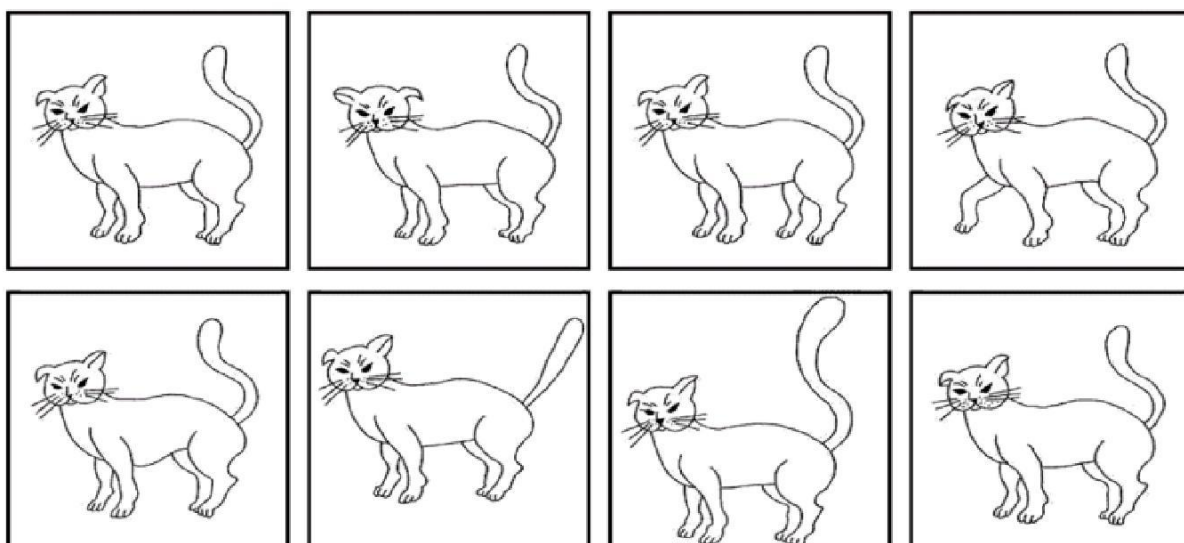
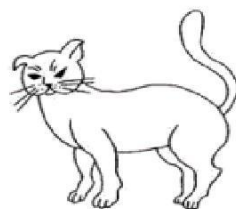
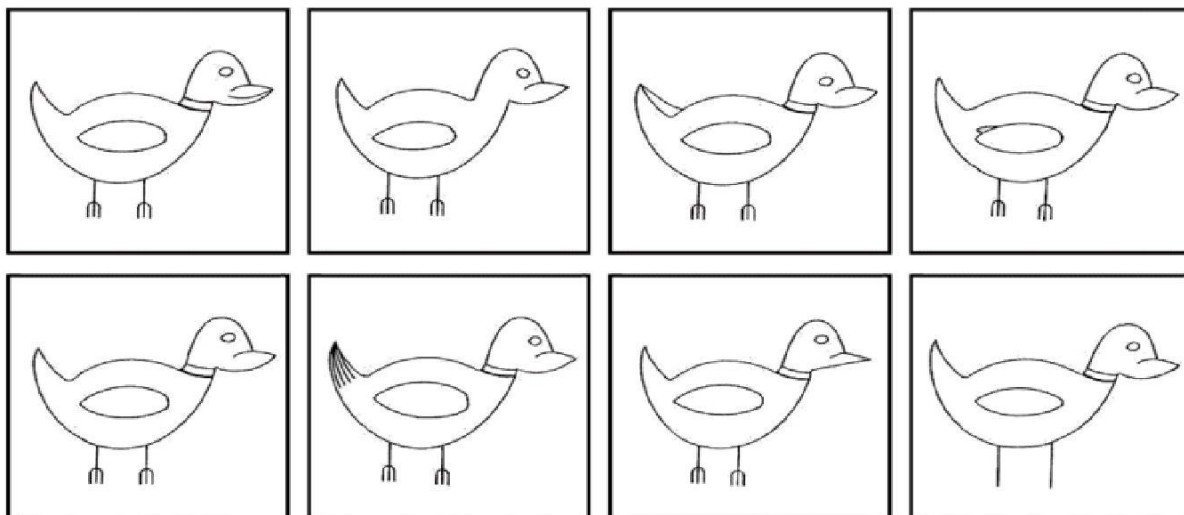
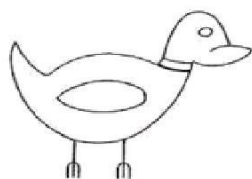
Продолжение приложения Б

Продолжение приложение Б

Продолжение приложения Б

Окончание приложения Б

